

Иван Жук

Русская Победа

Иван Жук

Русская победа

2021

УДК 82-3
ББК 84-4
Ж85

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Жук Иван

Ж85 Русская победа / Иван Жук. — [б. м.] : [б. и.], 2021. — 104 с.
[б. н.]

Книга Ивана Жука «Русская победа» принадлежит к жанру русско-филофско-исторической эссеистики и продолжает традицию, установившуюся у нас со времен «Философских писем» П. Я. Чаадаева и «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя. Пытаясь взглянуть на историю нашей родины с точки зрения православия, анализируя пророчества о России, автор делится своими тревожными размышлениями по поводу возможного русского будущего.

Книга предназначена для самой широкого круга читателей.

УДК 82-3
ББК 84-4

16+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Иван Жук, 2021
© Константин Тыртов, дизайн обложки, 2021

Вместо предисловия

Конец мира неотвратимо приближается. И у каждого народа свой путь и своя роль в грядущем Апокалипсисе. Не составляет исключения и русский народ. Хотим мы того или не хотим, всей душою стремимся к общероссийской конечной роли или, напротив, живем вопреки, а то и совсем не ведая о существовании задуманных Богом в вечности суперэтнических амплуа, мы направляемся на корабле «Россия», «РФ», или как там нас назовут потомки, к своему последнему историческому финалу. И единственное, что каждый из нас волен избрать на этом общероссийском цивилизационном «Титанике», — так это своё, личное, отношение к будущей катастрофе: войти в команду гребущих к ней или попробовать с Божьей помощью спастись на обломке Христовой веры...

Правда, чтобы определиться со своим местом на корабле, нужно, по крайней мере, пусть только в общих чертах, знать вектор нашего общенационального этногенетического становления. И, уже согласно ему, нашему общему душевно-духовному устремлению, попробовать закрепиться среди пассажиров судна либо же помаленьку выпасть за леер, в море...

Моя статья не претендует на роль пророчества. Да и на откровение особо проницательного ума она тоже явно не тянет. Просто, немного зная исторический путь России, я дерзаю ещё раз вкратце пересказать всем ведомые этапы нашего двухсоставного, духовного и государственного становления с тем, чтобы стали понятней уже высказанные пророчества о роли русского народа в грядущих судьбах мира.

Глава №1

Киевская Русь. Юность русской земли

В жизни любого народа, как и в судьбе каждого конкретного человека, наблюдаются приблизительно одни и те же этапы его становления: рождение, юность, зрелость, старческое дряхление, ну и конечно, смерть. Только святые пророки Божии, Илья да Енох, избежали этой печальной участи. Но и они, насколько это известно из Апокалипсиса, явятся пред кончиной мира для выполнения только им двоим духовно посильной миссии. После чего, будучи мученически убиты сыном погибели, антихристом, закончат свою земную жизнь восхождением за Христом на общеспасительную для человека Голгофу.

И только народ как образование безличностное подобно шанса, к сожалению, не имеет.

* * *

Рождение русского народа совпало с Крещением св. князем Владимиром Святославичем целого ряда бывших языческих восточнославянских племён: кривичей, вятичей, древлян, драговичей, дулебов, — в христианство византийского обряда или, проще будь сказано, в православие. И, как всякое Крещение, это явление в жизни нашего народа сопровождалось массой чудес. Так, русский народ, к примеру, осененный благодатью Духа Святого, Божьего, в огромном большинстве своем принял перемену веры как вещь само собой разумеющуюся. Разве это одно ни чудо? Ни в наших, ни в зарубежных летописях не было зафиксировано ни одного более-менее серьезного противостояния новой, государственно-образующей Русь религии. А ведь племен, вошедших в состав Руси, было, как я уже сказал, огромное множество. И тем не менее лишь кое-где немного

повозмущались, попробовав отстоять своих местных божков и кумиров, да и утихомирились. Зато прославление первых русских святых, столь не характерных своим «неприглядным» мученическим подвигом для традиционно героического языческого сознания, страстотерпцев Бориса и Глеба, встретили с пониманием. И их явное нежелание ни бороться со старшим братом за великокняжеский киевский стол, ни спастись от наемных убийц Святополка бегством, как это попытался было сделать их средний брат, Святослав Владимирович, восприняли чисто по-христиански: как пример для подражания, как образец кротости, терпения и любви Христовой. Этот первый иконописный тип вновь зародившейся русской святости на долгие сто с лишком лет сцементировал русский мир, став оплотом мира и братолюбия на Руси.

А вот такая, чисто языческая «добродетель», как удаль, на те же сто с лишком лет вообще исчезла из употребления. И появилась она лишь в момент так называемой «погибели Русской земли», когда главным виновником поражения русских князей в битве с татарами при речке Калке стал князь Новгородский и Галицкий Мстислав Мстиславович Удалой. На многочисленные же вопросы греческих епископов, давным-давно привыкших к духу византийской безжалостности, почему-де князь Владимир Красное Солнышко не казнит разбойников, святой креститель Руси отвечал: «Бога боюсь». И даже через сто лет после его кончины внук святого Владимира Владимир Мономах в поучении к детям скажет: «Не убивайте ни правого, ни виновного, ибо жизнь христианина священна перед Господом нашим». Таким образом, первичная благодать, ещё до всяких трудов и духовных подвигов, умудрила наших прапращуров идти узким тернистым путём Христовым: и лучше самому быть убитым братом (первые русские

святые Борис и Глеб), чем лишать жизни даже самого злого ближнего.

Что же касается мира внешнего, то сразу после Крещения Руси великий князь Киевский Владимир Святой повелел ничего более не завоевывать, а думать лишь о защите своих земель, для чего и воздвиг ряд городов-укреплений по рекам и оборонительную линию против врагов в степи. Таким образом, с легкой руки Владимира Красно Солнышко, защита Русской земли была признана на Руси высокой христианской добродетелью, тогда как всякая другая война, даже трижды победная (!), — изменой своему долгу. Все христианские летописцы Средневековья, характеризуя последующих князей, непременно сравнивали их поступки с характером и поступками св. князя Владимира и невольно удостоверяли, что качества, ему противоположные, всегда приводили к худу, тогда как сродные — к всеобщему согласию и благу.

С принятием христианства Русская земля быстро преображалась. Братолюбивая политика русских князей вскоре привела к тому, что сопредельные народы и государства, опасаясь усиливающегося соседа, всё реже решались совершать на него набеги. Так что столица Руси, стольный град Киев, мало-помалу превратилась в соперника Византии по блеску и красоте. Одних храмов здесь было выстроено около четырёхсот. Не говоря уже о великом множестве великолепных княжих палат с картинами религиозного и светского содержания и с горами золотых и серебряных украшений. Сюда стекались купцы и вельможи со всего тогдашнего цивилизованного мира. Из трех дочерей Ярослава (Мудрого) одна была замужем за французским королем, другая — за норвежским, а третья — за венгерским. Два сына того же князя были женаты на немецких княжнах, а третий, Всеволод, — на царевне греческой. Яро-

слав собрал большую библиотеку и не только церковных книг.

Материальное благополучие и покой обычно ведут к духовному оскудению. Однако великие Киевские князья с помощью Божьей и при содействии вновь зародившейся русской церкви, как умели, противились злым влияниям. Тот же Ярослав Владимирович, например, составляя судебный сборник по византийским источникам, так называемую «Русскую Правду», все греческие статьи наказаний (отрезание ушей, носов, рук, ног и прочего) заменил по русскому обычаю штрафами. А единственный не присланный Византийским патриархом, а избранный собором местных епископов митрополит Киевский Илларион поддержал подобные начинания. И в сохранившемся до нашего времени «Слове о законе, данном через Моисея, и благодати и истине, явившейся через Иисуса Христа» на все оставшиеся века умудрил начальствующих в народе: цель христианской жизни не есть стяжание благ земных, в том числе и книжной премудрости, но стяжание благодати Божией. Ибо лишь благодать спасает! И только стяжавшим её мужам Господь помогает исправлять людей, преступивших закон, не прибегая к силе.

Божьим промыслом, в подтверждение правоты святителя, крошечная пещерка, которую он ископал для молитв, ещё будучи священником в местечке Берестове, со временем стала местом поселения первого поистине русского монаха, св. Антония Печерского; то есть даже чисто территориально проявилась незыблемая духовная преемственность от «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона Киевского до воздвижения на Руси святой общины Печерской.

Так искреннее стремление наших предков не на словах, а на деле прийти к Христу, естественно привело к тому, что Господь всячески помогал нам в этом. «Другие

монастыри, — пишет св. летописец Нестор, — основываются князьями, богатыми или людьми благочестивыми». Тогда как началом Печерской обители послужило прямое повеление от Бога игумену монастыря на Афоне, где первоначально подвизался св. Антоний, «отпустить Антония в Россию». И вторично, после возвращения Антония на Афон, вследствие междоусобия в Киеве (после того как Святополк убил св. Бориса), было извещение от Бога «снова послать Антония в Россию, ибо там он необходим». Больше того, обойдя все киевские монастыри, Антоний ни в одном из них поселиться не смог. «Так было угодно Богу, — подводит черту св. летописец Нестор. — Ему надлежало поселиться в пещере».

Практически то же самое, но ещё сильнее, сказано о св. Феодосии: «Ни в один из монастырей в Киеве его не приняли, и Господь привел его на место, куда он был призван Богом от чрева матери — в пещерку к св. Антонию».

Знаменателен разговор между св. Антонием и св. Феодосием, когда св. Феодосий постучался к св. Антонию, прося принять его к себе на послушание. Антоний стал говорить о трудностях пещерной жизни, на что св. Феодосий, как бы напоминая давно св. Антонию известное, сказал: «Ты знаешь, что привел меня к тебе Господь». И Антоний немедленно впустил Феодосия к себе в пещерку.

Впрочем, и все другие насельники Богом отмеченного монастыря были явно направлены сюда свыше. Достаточно внимательно ознакомиться с житиями первых двенадцати постриженников киево-печерских, чтобы вслед за св. летописцем Нестором спокойно и уверенно констатировать: «Господь собрал в Киевскую Печерскую обитель таких людей, которые сияли в Русской земле, как светила небесные».

Одинокий святой — всегда мученик среди чуждых ему по духу людей, хотя формально и единоверцев. Свя-

той же среди святых несказанно счастлив. Ибо его любовь и христианское понимание свершающихся событий жизни многократно усиливаются ответной любовью братии, а взаимное понимание помогает глубже и утонченнее понять смысл происходящего как внутри, так и вне подвижника. Что приводит, вполне естественно, к мягкому непрерывному духовному взаимообогащению всех членов Богом спасаемого братства. Недаром тогдашний епископ суздальский св. Симон бывший инок Киевского Печерского монастыря писал: «У меня, грешного епископа, соборная церковь во Владимире — красота всему городу, а другая суздальская церковь, которую сам построил, сколько у них городов и сел, и всем эти владеет наша худость; но видит Бог: всю эту славу и власть я счел бы за ничто, если бы мне только хворостиною пришлось торчать за воротами или сором валяться в Печерском монастыре и быть попрану людьми или сделаться одним из калек, просящих милостыню у ворот лавры».

Одним словом, практически сразу после Крещения Господь щедрой рукой дал Русской земле полную меру первичной призывающей благодати: и боголюбивых святых князей, и общину любвеобильных святых подвижников. Так первый игумен печерский св. Феодосий избран был братией «по кротости и смирению. Ибо он был меньшим всех и всем служил». Сама же жизнь в пещерах, вследствие подобного первично христианского понимания правды Божией, представляла из себя, по слову св. Нестора, «нечто дивное, умиленное, всегда радостное». «Все они (насельники пещер. — И. И. Ж.) между собой пребывали в любви. Если кто-либо впадал в искушение, его утешали с кротостью (св. Феодосий плакал, когда наставлял), с любовью принимали на себя его грех и вместе несли епитимию»; «сокрушались о всяком, кто имел намерение оставить обитель из-за каких-нибудь тяжелых, по его вине возникших неприятностей; ходили

за ним, как мать ходит за ребенком, стараясь, чтобы он забыл свою вину, и, если уходил, посылали неоднократно, прося с любовью возвратиться. Все шли к игумену, кланялись и умоляли игумена. И была великая радость, когда приходил обратно».

По словам св. еп. Суздальского Симона, «в течение 80 лет из стен Киево-Печерской обители вышло 50 епископов». Так что по всей Руси сеялся этот дух тихой христианской любви и кроткого взаимопонимания.

Отношения святых подвижников с князьями тоже складывались довольно гармонично. Так Изяслав, сын Ярослава Мудрого, словно бы не мог жить без Феодосия. Он всё время то звал святого к себе, то приходил сам, причем никогда, хотя это и не соответствовало княжескому этикету, не въезжал в монастырь на коне, а всегда являлся пешком, без свиты. Однажды привратник монастыря, вследствие запрещения игумена отворять ворота обители хоть кому бы то ни было до вечерни, посмел задержать на пороге князя. И только по особому настоянию Изяслава он, не отворяя ворот, пошел доложить о прибытии князя игумену. «Как велико твоё запрещение, — воскликнул Изяслав, увидев приближавшегося к воротам Феодосия, — даже князя велено не пускать». «Братии нужно отдохнуть после ночного славословия, — кротко ответил Феодосий, — но мы рады твоему приходу — твоё непрестанное усердие много полезно для твоей души». И они пошли в церковь, а потом к Феодосию. После этого, сказано в летописи, князь ещё больше полюбил Феодосия. Даже скудную монастырскую еду Изяслав находил гораздо вкуснее многих многоценных блюд, о чем с удивлением говорил Феодосию. «Это оттого, — ответил ему Феодосий, — что наша пища готовится с благоговением и между приготовляющими её всегда любовь и согласие, а твои слуги, вероятно, часто бранятся и старшие обижают и бьют младших».

Не менее любовно был расположен к Феодосию и брат Изяслава, второй сын Ярослава I, Святослав. Несмотря на то что Феодосий и обличал его за изгнание брата с киевского престола, даже срамил его перед боярами и народом, Святослав, по временам впадая в ярость от этих обличений, тем не менее ни разу не сделал Феодосию никакого зла, ибо почитал подвижника великим праведником и ещё прежде завидовал Изяславу, что тот имеет в своем княжестве такого светильника. В свою очередь Феодосий, поняв, что слова обличений не действуют на князя, решил повлиять на него мольбой. Святослав, узнав об этом, весьма обрадовался и тотчас послал к преподобному, спрашивая позволения прийти к нему в монастырь. «Преподобный благословил на то князя, и тот с радостью пришел в монастырь со множеством бояр. Выйдя из церкви с братией, Феодосий по обычаю встретил князя, поклонившись всем и особенно князю. Тот же, поцеловав преподобного, сказал ему:

«Вот, отче, я не дерзнул прийти к тебе, думая, что, гневаясь на меня, непустишь в свой монастырь».

«Что значит гнев наш против тебя, державный князь? — ответил Феодосий. — **Но нам подобает обличать и говорить во спасение души, а вам должно того слушаться**¹.

Правда, не всякий киевский князь слушался преподобных. И тогда в помощь мирским властителям через иноков-простецов посылалось духовное назидание. Так случилось в годы правления злого и своенравного князя Киевского Святополка (1093—1113). После смерти великого князя Киевского Всеволода (1093 г.) призванный

¹ Киево-Печерский патерик. Киев: «Лыбидь», 1991. — С. 43.

народом на киевский престол Владимир Мономах отказался от этого высокого звания в пользу своего двоюродного брата сына Изяслава Святополка, ибо последнему по старшинству надлежало сидеть в Киеве. «Характер сына Изяславова, — повествует история, — представлял разительную противоположность с характером сына Всеволодова: Святополк был жесток, корыстолюбив и властолюбив без ума». Таким образом, на двадцать лет его княжения (Владимир занял престол после его смерти в 1113 г.) страна должна была страдать от злого правления. Однако благодаря существованию святой общины Печерской подвижническими усилиями одного из её монахов положение дел в стране резко переменялось. Вот как об этом повествует Киево-Печерский патерик: «В это тяжелое и печальное время пришел в Печерский монастырь некий муж именем Прохор. Особенностью его подвижнической жизни было то, что он лишил себя обычного хлеба, а собирал траву лебеду и, растирая её своими руками, делал себе хлеб и питался им...

В дни его подвигов случился на Руси страшный голод, многим угрожала голодная смерть. Господь, желая проставить Своего подвижника и спасти людей от голодной смерти, умножил в это время произрастание лебеды, как никогда прежде, и блаженный Прохор с особенным усердием собирал траву в большом количестве и, приготовляя из неё хлеб, раздавал голодным и неимущим. Хлеб, приготовленный Прохором из лебеды, казался всем вкушающим его сладким и приятным на вкус, лучше печеного из пшеницы. Но замечательно то, что только хлеб, данный св. Прохором с его благословения, был годный для пищи и даже чистый и светлый на вид, а если кто сам его готовил или брал у святого без спроса и благословения, то хлеб становился черен, как земля, и горек, как полынь.

Во время междоусобной борьбы Святополка с князьями Владимирским и Перемышльским, вследствие го-

сударственных смут и неурядиц, беззакония и грабежа, не могли приезжать в Киев купцы, не стало соли в русском государстве — великая скорбь объяла народ.

Блаженный Прохор, видя эту скудость, собрал со всех келий множество пепла и, принеся его в свою келью, после усердной молитвы и благословения стал раздавать его нуждающимся в соли, и пепел стал чистою солью. При этом, чем больше он его раздавал, тем больше его умножалось, так что было этой соли в достатке не только для иноков, но и для мирских людей. Купцы, намеревавшиеся воспользоваться недостатком соли для своего обогащения и продававшие соль по весьма высокой цене, озлобились на преподобного... И, собравшись вместе, пришли к князю Святополку с жалобой.

Внимательно выслушав их, князь задумал достигнуть сразу двух целей — прекратить жалобы купцов и себе нажить большие деньги. Он... назначил весьма высокую цену на соль и, приказав отнять соль у блаженного Прохора, стал продавать её на княжеском дворе...

Однако когда соль была привезена во двор княжеский, то все увидели, что это пепел.

Между тем к блаженному Прохору по-прежнему шел народ, чтобы получить соль, но, узнав о её разграблении, возвращался с пустыми руками, проклиная того, кто это сделал. Прохор, утешая народ, говорил: «Когда соль будет высыпана от князя, тогда пойдите собирать её себе».

И действительно, пепел, выброшенный за ворота княжеского двора, снова стал солью, и народ с радостью собирал её себе. Узнав об этом, князь пришел в ужас и стал расспрашивать подробнее о блаженном Прохоре. Узнав о подвижнической жизни Прохора и о его чудесах не только с солью, но и с хлебом из лебеды, Святополк устыдился своего дела, пошел в Печерский монастырь и примирился с игуменом Иоанном, к которому прежде питал вражду за обличения в ненасытной алчности

и обидах народу. После этих чудес Святополк раскаялся, молитвенно попросил прощения у Пресвятой Матери Божией и преподобных Антония и Феодосия, а блаженного Прохора стал глубоко чтить и уважать как истинного и великого угодника Божия и однажды дал обещание Прохору не делать насилия и обид никому впредь, а самому Прохору сказал: «Если я по воле Божией прежде тебя отойду от этого мира, ты своими руками положи меня в гроб, чтобы показать надо мною твоё незлобие. Если же ты представишься прежде меня, я своими руками внесу тебя в пещеру, чтобы за то Господь подал мне прощение тяжкого моего греха перед тобою».

После этих событий Прохор прожил ещё много лет... и только потом уже разболелся. Князь Святополк в то время находился в походе против половцев. Получив весть о предсмертной болезни своего побратима Прохора, Святополк немедленно оставил войско и поспешил к блаженному. Выслушав предсмертные наставления святого и дождавшись его кончины, князь вместе с пещерскими иноками отнёс тело преподобного в пещеру и своими руками положил его в гроб. Затем он снова возвратился к войску и, продолжая поход, одержал полную победу над врагами. Это была победа, дарованная Богом Русской земле, по предсказанию и молитве преподобного Прохора. С этого времени вполне благополучно и счастливо проходило княжение Святополка»¹.

Сравнивая житие св. Прохора с житиями других пещерских святых, автор книги «Тайна святых. Введение в апокалипсис» Петр Константинович Иванов закономерно делает вывод: «Св. Прохор послан как бы исклю-

¹ Киево-Печерский патерик. — Киев: «Лыбидь», 1991. — С. 120—123.

чительно к этому немощному князю, чтобы подать ему духовное исцеление. Также и чудеса его носят всенародный характер помощи народу, как вразумление князю»¹. Благо внутрисердечное состояние князей того времени вполне позволяло им сделать правильные духовные выводы. Так преемник Святополка на киевском столе, св. князь Владимир Мономах, в своем предсмертном завещании детям скажет: «Тремя добрыми делами побеждается враг: покаянием, слезами (т. е. умилением сердечным) и милостыней. Ни одиночеством, ни монашеством, ни голодом, а именно таким малым и неприметным делом добывается милость Божия».

Чтобы сделать подобные умозаключения, одного природного ума недостаточно. Для этого непременно нужно и жить соответствующим образом. Семьдесят лет прошло с тех далеких пор, как прадед святого, Ярослав Мудрый, в своем предсмертном назидании детям сказал: «Вот я отхожу от этого света, дети мои! Любите друг друга, потому что вы братья родные. Если будете жить в любви, то Бог будет с вами, Он покорит вам всех врагов; если же вы станете ненавидеть друг друга, ссориться, то и сами погибнете, и погубите землю отцов и дедов ваших». Выходит, не на каменистую почву пали слова Ярослава Мудрого? Русь и впрямь жила тогда по Евангелию и по Святым Отцам. И по общему тогдашнему убеждению князь был не просто властитель княжества, действующий по принципу: что хочу, то и ворочу! Он являлся хранителем правды Божией и был первым воином земли Русской, защитником отечества и народа. Негласное дело всякого князя заключалось именно в том, чтобы ужи-

¹ Иванов П. К Тайна святых. Введение в апокалипсис. — Москва: изд. «Паломник», 1993. — С. 389.

ваться с другими князьями (родичами) и таким образом хранить всеобщий братский покой земли. Только учитывая всё это, можно с уверенностью сказать: русская государственность первых веков по принятию христианства действительно строилась не законом, но благодатью. Вот почему многие историки-государственники, такие, скажем, как В. О. Ключевский или тот же С. М. Соловьев, ничего достойного любопытства в построении тогдашнего государства в русском мире не замечали. Тогда как люди более духовно чуткие, такие, скажем, как тот же Петр Константинович Иванов, считали, что русский народ тех лет единил исключительно Иисус Христос, и сравнивали пору Киевской Руси со временами правления израильским народом непосредственно самим Богом, с так называемым временем Судей. Что и позволяло историку наречь изначальный век русской государственности и святости эпохой Святой Руси.

Впрочем, мы не будем настаивать на столь категоричном определении. Назвав свою главу «Юностью земли Русской», на том и поставим точку. Напоследок хочу лишь напомнить, что в описываемую эпоху учителя наши, византийские греки, давно уже позабыли о подобных любовно-христианских отношениях между кесарем и представителями церковной иерархии. А у Первого Рима в послекаролингский период полной государственной раздробленности Европы, когда ожидалось, что тысячелетняя годовщина смерти Христа станет преддверием Страшного суда, а в летописях писали: «Хаос сменил законы, правившие миром. Все понимают, что приближается конец света», — попросту невозможно было почерпнуть откуда-нибудь живой положительный пример. Так что с момента Крещения Руси (988 г.) и практически до смерти Всеволода Олеговича (1146 г.), когда киевский стол впервые был взят младшим в роду Мономаховичей Изяславом Мстиславовичем (1097—1154) вне всякого ле-

ствичного права, исключительно ради личного властолюбия, хитростью и коварством, Русь жила с оглядкой на Христа, внутренне сообразуясь заповеди братолюбия. И только выйдя за эти вешки, нарушив закон любви, она устремилась на всех парах в иной душевно-духовный эон развития. Сын Изяслава Мстислав после смерти родного дяди Ростислава вроде бы совершенно законно занимает киевский стол. Да только одиннадцать русских князей, несправедливо пострадавших при вероломном княжении его отца, под водительством главного врага Киева суздальского князя Андрея Боголюбского, сына Юрия, с которым Изяслав Мстиславович более всего враждовал, впервые в истории земли Русской берут мать городов на щит. И в ослеплении ненависти и мести подвергают свой стольный град страшному опустошению. «В течение трех дней победители грабили не только жителей, но разоряли монастыри, церкви, богатый храм Софийский и Десятинный, брали иконы, ризы, книги, колокола. „На всех людях стон и тоска, печаль неутешная и слёзы неустанные“ (1169 г.). После этого Киев не смог уже оправиться. И значение его как стольного города пало; старшинство перешло в Суздаль и во Владимир»¹.

Глава №2

Взросление в бурях и нестроениях

Итак, первая попытка восстановления справедливости на Руси внеевангельскими методами («Мне отмщение, и Аз воздам» (Рим. 12; 19), закончилась плачевно.

¹ Иванов П. К. Тайна святых. — Москва: изд. «Паломник», 1993. — С. 430.

Обиженные князья наказали не только сына тиранившего их родича, но и вконец разрушили хрупкое равновесие богохранимой родины: разграбили собственную столицу, надругались над православием и, перенеся стольный град на север, во вроде бы более-менее чтущие справедливость земли, естественно, оголили юг. Оттуда, вполне понятно, вскоре пришли враги, для успешной борьбы с которыми нужна была старая княжья спайка, жидущаяся на «Русской Правде». Да вот беда, в новые времена Русь вошла, мягко скажем, несколько поврежденной. И для успешной борьбы с врагом смиренной уступчивости младших братьев при любящем отношении старших в роде уже явно недоставало. Прогрессирующее нечестие (отступление от Христа) почти исключило возможность милости и управления по любви. Святым у кормила власти места практически не оставалось. Чтобы сдерживать княжеские амбиции и возрождающуюся языческую удаль, нужны были совершенно иные душевно-духовные качества властелина, едва ли не диаметрально противоположные тем, которыми отличались тот же креститель Руси Святой Владимир или его терпеливо-любвеобильный внук, св. Владимир Мономах. Поневоле пришлось приглядываться к опыту государственного строительства окружающих Русь держав.

Таким образом, детский период прямого Боговотельства, как некогда у Адама, а там и у избранного народа, завершился у нас обвалом в безблагодатное состояние утративших связь с Небесным. Из простой, безыскусной и сравнительно скудной на исторические события «подростковой жизни» мы окунулись во «взрослый мир», в мир трагедии и распада, где из массы сравнительно равных зол всё время приходится выбирать наименьшее; а у правящего народом кесаря не остаётся иного выхода, как то и дело прибегать к насилию и обману. Одним словом, случилось то, что и предрекал в предсмертном на-

путствии своим сыновьям великий князь Киевский Ярослав Мудрый: «Если будете жить в любви, то Бог будет с Вами, Он покорит вам всех врагов; если же станете ненавидеть друг друга, ссориться, то и сами погибнете и погубите землю отцов и дедов ваших».

Благо гибель Русской земли произошла не полная. Сопредельные нам народы, видя ослабление некогда грозного соседа, двинулись воевать его. И единственное, что могло бы спасти тогда опрокинувшуюся в бесславье Русь, было бы покаянное возвращение к бывшему единодушию и любви. Да только люди уже настолько онечестивились и отвыкли от послушания и уступчивости, что даже перед лицом грозящей всем катастрофы, скажем, в битве с татарами при речке Калке (1223 г.), сын Мстислава Храброго Мстислав Удалой, желая стяжать себе славу победителя, не посоветовавшись с другими князьями, самолично бросился на врага. С легкостью уничтожив его отряд, татары беспрепятственно обратились на главное войско, ещё не выстроенное в боевой порядок. В результате Мстислав Удалой спасся, зато остальные князья были заживо погребены под досками усевшимися на них пировать татарами.

При таком аховом положении дел с дисциплиной и с братолюбием ни о каком любовном содружестве в земле Русской уже и речи идти не могло. Без крепкой единой властью Русь была бы обречена. Нужен был самодержец, царь, как меньшее из грозящих народу бедствий. И Господь попустил его. Первым русским князем, почувствовавшим вкус к самодержавию, стал сын Юрия Долгорукого, князь Вышгородский (1149, 1155), Дорогобужский (1150—1151), Рязанский (1153), а затем и великий князь Владимирский (1157—1174) Андрей Юрьевич Боголюбский (1111—1174).

Взяв на щит и разграбив Киев, князь Андрей Юрьевич Боголюбский открыл тем самым новый период

в становлении русского духа. Уже не детское братолюбие и первая юношеская любовь Христова двигали этим князем. Им двигала жажда мести и связанный с нею новый, духовно более низкий взгляд на крепость и значительность государства. «Ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтобы не я царствовал над ними» (1-я Царств 8; 7), — так сказал в своё время Бог пророку Самуилу, пришедшему просить у Него царя для избранного народа. И этот духовный закон «взросления» характерен практически для любого религиозно отмеченного народа. Первичная благодать, смирение, жизнь по любви Христовой, уступчивость, жертвенность, братолюбие как внешние проявления упования больше на помощь Божию, чем на свой ум и удаль. И отступление от Христа, медленное сползание в возрождающееся язычество: надежда больше на свои силы, а там и на крепость единой державы; вера же в Бога лишь как формальное следование традиции. Летописцы-монахи того периода прекрасно это осознавали. И поэтому, наверное, не давая никакой нравственной оценки свершающимся событиям, первым, кого Киевский свод в составе Ипатьевской летописи поименовал царем, был уже упоминавшийся нами выше разрушитель Святой Руси князь курский (1125—1129), полоцкий (1129—1132), туровский (1132—1134), волынский (1135—1142), переяславский (1142—1146), великий князь Киевский (1146—1149, 1150, 1151—1154) Изяслав Мстиславович (1097—1154). Князь Андрей Юрьевич Боголюбский продолжил дело самого удалого и своенравного из великих князей Киевских. И, безусловно, понимая, что его взгляд на силу и крепость Руси разительно отличается от традиционно киевского, перенес столицу своей державы с берегов Днепра на поросшие лесом прибрежья Клязьмы.

Новая парадигма развития государства, единственно, пожалуй, возможная при разрастающемся нечестии,

к сожалению, не спасала от духовного закона возмездия за грехи. И в подтверждение пророческого послания Ярослава Мудрого своим детям на ослабленную внутренними раздорами и княжьими распрями Русь пришло наказание в виде двухсотпятидесятилетнего монголо-татарского ига.

Я не стану подробно описывать этот печальный период в становлении русского самосознания. Скажу лишь, что в божьем мире, где всё премудро весьма устроено, даже такое тяжелое и унижительное положение, как порабощение, для всякого не совсем духовно деградировавшего народа всегда имеет своё благое, врачующее значение. Так Господь исправлял стези у избранного народа. Так Он потом вразумлял и нас, привитую ветвь Христову. Предательство и измена у наших поработителей считались едва ли не самыми тягчайшими из грехов: за них монголо-татары карали немилосердно. Причем даже в тех случаях, когда предательство русских князей друг друга шло им, нашим врагам, на пользу. Естественно, что подобное вырезание гнилых порослей слегка очистило дух народный. А уважительное отношение монголо-татар к любой, в том числе и к православной вере, привело к тому, что наши князья, во всяком случае лучшие из них, такие, скажем, как Александр Ярославич Невский (1220—1263), предпочитали ездить к хану в Сарай за ярлыком на княжение и в то же время непримиримо боролись с Западом, всегда пытавшимся окатоличить нас.

Тяжкое, подневольное положение само по себе вызывало русских князей к единству. Но чтобы освободиться от намного более организованного и веротерпимого противника, нужна была более нравственная, чем у врага идея, вокруг которой мог бы сплотиться доведенный до крайности бесконечными княжьими распрями, сбитый с духовного толку народ русский. Первым проблеском об-

речения такого самосознания в жестких тисках монголо-татарского владычества можно считать церковный собор 1274 г. и появившиеся сразу же после него так называемые кормчие книги — церковно-юридические сборники, которые дерзнули, ссылаясь на древнюю православную традицию, противопоставить свои юридические нормы центральной татарской власти. Но этого было мало. Нужна была личность, хотя бы один пример не только идеологического, но и реального возвращения подневольного русича в лоно Христовой правды, той самой русской, основательно подзабытой правды, которая позволяла монахам прошлого встретиться с Богом лицом к лицу.

Такой личностью через три четверти века после начала монголо-татарского нашествия на Русь (1238—1240) Господь одарил дозревших до понимания её роли русичей в лице отрока Варфоломея, впоследствии игумена земли Русской, всея России чудотворца Сергия Радонезского (3 мая 1314 года или май 1322 года — 25 сентября 1392 года).

Приходящие в себя под пятою татар князя так же, как в своё время в Киевской Руси, вновь попытались ставить по городам и весям знаки духовного возрождения и надежды на независимость — монастыри и храмы. Да только будущие святые идти туда не спешили. Интуитивно, для подвига очищения от всего мирского, они выбирали далекие, пустынные места. Так, первый из них, тот же отрок Варфоломей, как рассказывается о нём в житии святого, и не думал строить обитель, не желал собирать около себя братию. У него было одно заветное желание — укрыться навсегда от мира в глубине непроходимой чащи лесной, чтобы полностью посвятить себя жизни с Богом. Сергей долго блуждал по лесу и наконец, остановившись в глухом сосновом лесу, удаленном не только от человеческого жилья, но и от всех дорог, построил себе келейку, а рядом — небольшую церковку.

Здесь он поселяется вместе с родным старшим братом Стефаном. Правда, тот, не выдерживая уединения, вскоре уходит в городской общежительный монастырь, так что будущий инок Сергей надолго остается один в почти непроходимой лесной чащобе, где и начинает подвиг безмолвия и молитвы.

Так же, не стовариваясь с будущим игуменом земли Русской, начинали свой подвиг практически все современные ему святые. Св. Стефан Махрицкий, нижегородский св. Дионисий, вологодский св. Сильвестр — все они уходили подальше в лес и принимались там за делание духовное со значительно большей уединенностью и отрешенностью от мира, чем предшествовавшие им за двести лет до этого монахи киево-печерские. Скажем, Кирилл Белозерский, когда ещё жил в московском Симоновом монастыре, однажды ночью, читая акафист Божией Матери, услышал от иконы голос: «Иди на Белое озеро — там тебе место». И перед его духовным взором возник чудесный ландшафт, озаренный светом. Когда спустя некоторое время Кирилл отправился на Белое озеро, то вскоре нашел то место, указанное ему в видении. А Авраамий Чухломской, удалившийся в страну Галлическую, был остановлен перед горой, на вершине которой сиял образ Пресвятой Богородицы. Здесь-то он и построил храм Успения Богородицы.

Так почему же всё-таки Небо с таким упорством вразумляло своих избранников удаляться от городов и мира?

С первого взгляда земля Московская, где теперь начинало складываться единство русского государства, очень напоминала стольный град Киев эпохи его расцвета. Четвертый сын Александра Невского, святой Даниил Московский (1261—1303), отличался уживчивостью и миролюбием. За тридцать лет своего княжения, стараясь ни с кем не ссориться, а со всеми жить в мире и дружбе, святой Даниил Московский вывел свой ма-

лый и скудный по сравнению с другими вотчинами удел в одно из ведущих княжеств Руси. Вроде бы теми же качествами отличался и его старший сын, Иван Калита (1328—1340), прозванный так, насколько мы помним из школьного курса русской истории, за свою легендарную щедрость: он всегда носил с собой огромный кошель (калиту) и оделял деньгами встречавшихся ему нищих. Правда, и это мы узнаем из жития св. Сергия (Радонежского). Во время княжения Калиты родители святого вынуждены были переселиться из Ростова в Радонеж, в край сравнительно бедный и малозаселенный, спасаясь от притеснений московского воеводы Василия, который невиданными поборами довел многих ростовцев до крайней нищеты. Причем он был так жесток, что повесил вниз головой ростовского градоначальника, престарелого Аверкия, и в таком виде оставил его на поругание. Знал ли об этом миролюбивый и щедрый московский князь? Судя по тому с какой легкостью брату Сергия (Радонежского) Стефану удалось пристроиться в один из ведущих московских монастырей — в Богоявленский, где он познакомился с будущим митрополитом Алексием, а потом и дорос до игуменства, став духовником великого князя Московского Симеона, родичи Сергия и Стефана занимали при дворе князя довольно высокое положение, и о суровости нрава своего воеводы Василия Иван Калита, безусловно, знал. Но смотрел на его жестокости, как говорится, сквозь пальцы. А, возможно, и сам втихую инструктировал воеводу, как ему быстрее всего и надежнее привести строптивых ростовских бояр к беспрекословному повиновению Москве. Одним словом, миролюбие и богобоязненность Калиты несколько отличались от тех же качеств великих князей Киевских двухсотлетней давности. Русь теряла свою простоту и искренность. И несмотря на то что вроде бы все ве-

ликие князья Московские, от Ивана Калиты и до его внука Дмитрия Ивановича Донского, дружили со святыми, история с поставлением на Москву ставленника патриарха Константинопольского Киприана говорит о многом.

По существующей в те века традиции патриарх Константинопольский поставил митрополитом в Киев Киприана. Он же по благословению патриарха должен был принять и митрополию всей Руси после смерти м. Алексея. Однако Дмитрий Донской наотрез отказался принять Киприана и требовал русский епископат поставить в митрополиты своего любимца, архимандрита Спасского монастыря (в Кремле) Михаила. Митрополит Алексей, понимая, что церковное послушание всё равно будет нарушено, ища спасения от предстоящего нечестия, попытался передать митрополию всей Руси общенародно чтимому праведнику и чудотворцу, благословившему князя Дмитрия Донского на Куликовскую битву, Сергию (Радонежскому). Однако Сергей, как известно, наотрез отказался от этой чести, пообещав м. Алексею поговорить с Дмитрием и посоветовать ему не противиться приезду на митрополию Киприана.

И тем не менее великий Московский князь, на словах весьма благодарный Сергию за укрепившее его дух пророчество о победе русских на Куликовском поле, совета святого не принял. Больше того, когда св. Алексей скончался (1378 г.), Сергей вновь попытался убедить князя принять м. Киприана, но и опять безуспешно. Тогда Сергей и его племянник Фёдор, к тому времени игумен Симоновского московского монастыря, послали навстречу направлявшемуся в Москву Киприану гонцов, чтобы предупредить его об опасности и посоветовать отложить поездку. Проведав об этом посольстве Сергия, князь послал ему вслед погоню и перехватил гонцов. Не ведая об опасности, поджидавшей его в Москве, Киприан при-

ехал на встречу с Дмитрием со свитой и багажом. И был тотчас же арестован боярином Никифором, который, ободрав митрополита как липку голодного и полураздетого заключил на ночь в сырую клеть, а наутро с позором на клячах выслал из города. Лошадей и весь багаж митрополита и его свиты отняли. «Выслан с позором, — пожаловался в письме к Сергию Киприан, — без обуви и даже без сорочки». После чего с горечью поинтересовался: «Как же вы, отрекшиеся от мира, видеv такую злобу, умолчали, почему не растерзали свои одежды и правду не свидетельствовали перед царем? Ведь я, Бог знает, любя ехал к князю, от чистого сердца, как законно поставленный высшим иерархом».

На это длинное и жалобное письмо св. Сергий ответил своим посланием, в котором как мог смягчил сердце Киприана.

В следующем письме к св. Сергию Киприан благодарит его за утешение и за то, что он признал **его правоту**.

Этого эпизода, думаю, вполне достаточно, чтобы понять, почему Господь благословлял своих избранников уходить подальше от городов и чем отличалось отношение Киевских князей к святым киево-печерским от отношения великих князей Московских к святым времени зарождения самодержавия на Руси.

Московские историки любят отмечать **государственную пользу** святых. Так они с упоением рассказывают о том, как «митрополит Алексей послал в Нижний Новгород преп. Сергия объявить князю Борису, чтобы тот шел судиться к великому князю в Москву; Борис отказывается. Тогда св. Сергий, согласно воле митрополита, затворил все храмы в Нижнем, а великий князь двинул войска свои; и Борис уступил».

Ну что тут можно ещё добавить? Необходимость крепкой верховной власти, без которой само существование Руси ставилось под большой вопрос, мало-помалу

привело к тому, что государственный интерес начал восприниматься как нечто первостепенное. Тогда как единая на потребу, прямая и непосредственная связь с Небом, носителями которой являются на Земле святые, отошла на второй план. Ею, естественно, дорожили, но только в критические минуты (то же посещение Дмитрием Донским перед Куликовской битвой св. Сергия Радонежского). Но стоило состояться долгожданной победе над более чем столетие угнетавшим Русь врагом, как тотчас святых решили использовать... на укрепление государственности; а к их мнению, как мы видим, не очень-то и прислушивались. Причем никто из наших историков-государственников даже не заметил, что с этой переоценкой ценностей произошла чудовищная подмена: ибо не святых мирские вожди отвергли, но Бога, который через святых мог дать единственно верные ответы на все вопросы (1-я Царств, 8;7). Ну и зачем, спрашивается, при таком отношении к неотмирному святым пребывать поблизости от мирских властей? Вот и умудрял их Господь уходить из городов подальше: в глухие лесные дебри, туда, куда мог добраться один лишь простой народ и где в глубине таежной живые носители Святого Духа могли благотворно подействовать хотя бы на тех из русичей, кто мог и хотел их слушать.

Самодержавие же, как мы видим, даже в своем зачаточном стоянии с проторенной в Древнем Киеве русской дороги любви и милости всё дальше и всё решительней начало отходить на проторенные пути православно-державного византизма. С одной стороны, чисто идеологически оно принялось поднимать на щит восходящую ещё к Константину Великому концепцию Юстиниана I о симфонии светской и духовной властей; тогда как с другой, параллельно с этим, сразу по смерти св. митрополита Алексия на Кучковом поле (где теперь Сретенка) была совершена первая торжественная (публичная)

смертная казнь. Так впервые «Русская Правда» была на Руси похерена. И это произошло отнюдь не в мрачные времена монголо-татарского ига (в порабощении-то как раз мы ещё держались), а сразу после победы на Куликовом поле, посреди свободной на новых, державных принципах объединяющей всех Москвы. На смену завету Владимира Мономаха «не убивайте ни правого, ни виновного, ибо жизнь христианина священна перед Господом нашим» пришел новый канон государственного строительства, по духу напоминавший византийский судебный сборник — эклогу. Характерной особенностью подобных сборников было уснащение текста цитатами из Священного Писания при изобилии наказаний (отрубании рук, ног, выкалывании глаз). Новые государственные люди, почувствовав свою явно уже не Божью, но чисто мирскую значимость, всё чаще и всё решительней начали прибегать к насилию: к розге, к плетке, к членовредительным наказаниям и далее ко всё развивающимся и всё утончающимся пыткам.

Священники же при власти стали разительно отличаться от живущих в лесах святых. И хотя со времен Сергия Радонежского из Троице-Сергиевой лавры до эпохи митр. Филарета Московского вышли 79 архиереев самых разных санов, это только смягчало начинающееся раздвоение внутри церкви: на священников от Бога и на «духовную» обслугу деньги и власть имущих.

Правда, эта раздвоенность внутри Церкви проявила себя не сразу. Наиболее чуткие к духу времени русские иерархи высокоумными идеологическими посланиями пытались смягчить характер самовластных земных владык. Так митрополит Московский Зосима в предисловии к труду «Изложение Пасхалии» (1492 г.) попробовал ограничить московского князя нравственно. С одной стороны, он поставил Ивана III (1440—1505) в один ряд с императором Константином Великим, назвав послед-

него предком князя. Но, с другой, параллельно с этим напомнил ему о главном: «Не преступай, царю, заповѣди, еже положиша твои прадѣды — великий Константинъ, и блаженный святой Владимиръ, и великий богоизбранный Ярославъ и прочии блаженнии святии, ихъж корень и до тебе»¹.

По тому всеобщему оживлению, с которым эта идея была встречена на Руси, можно судить о её насущности и своевременности рождения. Через каких-нибудь тридцать лет (а идеи в те времена высказывались намного скупее и осторожней, чем в наше словоблудное время) старец псковского Елизаарова монастыря инок Филофей в двух посланиях конца 1523 — начала 1524 годов (первое было адресованное дьяку Михаилу Мисюрю-Мунехину и посвящалось проблемам летосчисления и астрологии; а второе, адресованное великому князю Московскому Василию III Ивановичу и уяснявшее правильное совершение крестного знамения, выявляло проблему распространения мужеложства) в дополнение к высказанному митрополитом Зосимой впервые обстоятельно развил знаменитую теорию о Московском царстве как Третьем Риме. Причем он, поставив Россию вровень с Константинополем и с Римом эпохи Цезарей, как и митрополит Зосима, несколько раз настойчиво подчеркнул, что наш русский самодержавный царь — это не абсолютный, ничем не ограниченный властелин, но прямо напротив — благочестивый и богобоязненный хранитель правой хри-

¹ «Послание о злыхъ днехъ и часѣхъ» и «Послание к великому князю Василию, в немъже о исправлении крестнаго знамения и о содомском блудѣ»², архивировано³ 16 июня 2013 года.

² <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5105>

³ <https://web.archive.org/web/20130616222058/http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5105>

стианской веры. И что мы, русские, будучи последним оплотом православия на земле, в случае, если мир в конечном итоге скатится к антихристу, будем больше всех иных народов повинны в этом общемировом духовном крахе.

Ни о каком политическом превосходстве среди других народов автор теории «Москва — Третий Рим» ни полслова не проронил. Он настраивал нас на скорбный и многотрудный путь. Причем, будучи человеком духовно зрячим, настойчиво повторял, что всякое отступление от Христа с неизбежностью превратит нас, русских, в худший из всех народов, существующих на земле, во возвращенных в правой вере фарисеев-антихристиан.

Наш первый, официально венчанный царь¹, Иоанн Васильевич Грозный (1530—1584), всем сердцем понял эту теорию. Будучи воспитанником святого митрополита Макария, даже после того, когда отравили его родную мать, Елену Глинскую, а его самого всё его малолетство унижали и оскорбляли, даже после Московского восстания 1547 г. и боярского кризиса 1553 г., он несколько раз упорно устраивал соборы примирения, на которых пытался «свести всех в любовь». Правда, это благое царское начинание успехов не принесло. Слишком далеко к тому времени ушла уже Русь по пути нечестия, так что великодушные христианские начинания молодого государя были восприняты многими как слабость или малоумие.

¹ На самом деле первым венчанным царем на Руси был внук Иоанна III Димитрий, вскоре вместе с матерью Еленой Волошанкой взятый дедом под стражу. Сын Иоанна III Василий Иоаннович не решился повторить над собою обряда венчания на царство, быть может, как говорит наш знаменитый историк Костомаров, опасаясь одной участи с племянником, который томился в оковах, *«бывши первою личностью в русской истории, носившею царский венец»*.

В результате чего борьба за власть только обострилась. Вот и пришлось царю проявить свой суровый самодержавный нрав, за который его потом враждовавшие с ним бояре с той же категоричностью и осудили как сумасшедшего.¹

И тем не менее попытка устроить жизнь на Руси по Евангелию и по святым отцам, как и должно бы то в Третьем Риме, первым русским царем предпринята была. И не его вина, что она потерпела крах. Зато на международном уровне Иоанн Васильевич Грозный, будучи достойным последователем святого Владимира Святославовича, не дал себя одурачить. И на соблазнительное предложение римско-католического иезуита Антонио Поссевино:

«Если ты соединишься верой с папою и всеми государями Европы, то при содействии их... сделаешься императором Царьграда и всего Востока», — он с поистине христианской мудростью первых киевских князей ответил:

«Мой долг заправлять мирскими делами, а не духовными... Что же до Восточной империи, то Господня есть земля, кому захочет Бог, тому и отдаст её. С меня довольно и моего государства, других и больших государств во всем свете не желаю»².

К сожалению, современники, особенно правящий класс Руси, так и не оценили христианских потуг монарха. Вот и пришлось ему искать выход практически в без-

¹ «...пришел Иоанн, ни ест, ни пьет; и говорят: в нём бес. Пришел сын человеческий, ест и пьёт; и говорят: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам. И оправдана премудрость чадами её» (Матф. 11; 18—19).

² Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Т. 8. — СПб., 1891. — С. 383—384, 390.

выходном положении. Так была введена на Руси опричнина, приведшая в результате к противостоянию с самим же царем и призванным на служение св. митрополитом Филиппом (Колычевым), а там и к саморазрушению самого Ивана Грозного. По словам современного петербургского историка Игоря Яковлевича Фроянова, драма русской истории на тот момент заключалась в том, что царь, будучи человеком глубоко и искренне верующим, попытался жесткими и не всегда христианскими методами взнудать распоясавшееся боярство, которое, в большинстве своем, особенно в верхне-высшем слое, заглядывалось на Запад. (В то время это была Польша с её конституционно-демократическим правлением и с явно не православной, иудеизированной верой — ересью жидовствующих.) Одним словом, оставшись практически в одиночестве, в самый трудный момент борьбы царь потерял самоконтроль. И, с поистине русской удачей сорвавшись с духовных скрепов, за пятнадцать неполных лет сменил семь негодных ему митрополитов, то есть фактически разрушил им же самим заявленную «симфонию властей» и собственными руками едва ль не пресек ветвь Рюриковичей.

Смута 1598—1613 гг. была расплатой за этот духовный срыв идеолога самодержавства. Но в то же время она была для Руси и шансом на духовное возрождение.

Вновь избранный царь, Михаил Фёдорович Романов (1596—1645), в симфоническом согласии с патриархом Филаретом, в миру Федором Никитичем Романовым (1553—1633), кровным отцом царя, за четырнадцать лет совместного правления страной превратили Русь в одну из ведущих держав Европы. Так что уже при втором царе из рода Романовых, при Алексее Михайловиче (1645—1676), стала возможна так называемая «Византийская прелесть».

Глава №3

«Византийская прелесть»

Симфоническое согласие Церкви и государства в лице молодого царя новой династии и его родного отца-патриарха привело к стремительному росту материального благополучия и достатка. Страна залечила раны, вновь выдвинувшиеся роды позабыли о временах смуты и нестроений, после чего исключительно религиозная, и я бы даже сказал эсхатологическая, теория старца Филофея «Москва — Третий Рим» начала приобретать уже не апокалипсический, а исключительно политический характер. О великой ответственности нас, русских, за наималейшее отступление от Христовых заповедей как-то само собой позабылось; зато на первое место вышло исключительно мирское и едва ли не вселенское значение Руси-России как Третьего и последнего на планете Рима.

У папства в эпоху XVI — XVII, пишет исследователь нашей церковной истории Новосад Н., ¹«была давняя идея, которую папы желали внушить всей Европе: идея крестового похода для изгнания турок из Европы. Эту идею разделял и Стефан Баторий. План борьбы с турками одинаково старательно разрабатывался и в Риме, и в Польше. При этом полагали, что для достижения успеха необходимо привлечь Москву в качестве орудия. Москве нужно было навязать царя-католика (так думали Стефан Баторий и Антонио Поссевино), чтобы окатоличить Москву и заручиться её помощью».

¹ Новосад Н., прот. Православие в Западной Руси в XVI — XVII вв. перед лицом униатства. — Доклад на 2-й Международной церковно-научной конференции в Москве, 11—19 мая 1987 г.

Итак, изгнание османов из Европы — «идея древняя», план борьбы с турками старательно разрабатывался как в Риме, так и в Польше. Причем Ватикан преследовал сразу две цели: использовать Москву как орудие в борьбе с турками, а заодно и окатоличить Россию.

Естественно, для того чтобы втянуть русских в войну с турками, нужна была хорошая идеологическая приманка. И самой привлекательной приманкой для набирающей военную мощь Московии мог стать константинопольский престол. Разумеется, дело должно быть представлено в ореоле «святости» — как освобождение единокровных братьев от ига мусульман. Это будет выглядеть вполне пристойно: ведь сами греки, к тому времени полностью находившиеся под духовно-идеологической властью папы, в лице различных восточных иерархов будут именем Бога умолять русского царя освободить их из-под власти неверных. А то, что за их спинами стоит папа и вездесущий Орден иезуитов, так неужто же эти «русские варвары, погрязшие в давней византийской схизме» разглядят?

С Иоанном Васильевичем Грозным, для которого чистота православной веры была единственной достойной жизни жемчужиной, такое соблазнительное предложение от римско-католического легата Антонио Поссевино, как мы помним, не прошло. А вот в царствование Алексея Михайловича, когда Москва по могуществу и по богатствам своих земель всё больше и больше стала и впрямь походить на Рим, «Византийскую прелесть» с удовольствием заглотнули. И чисто политические амбиции царя Алексея Михайловича наследовать со временем престол византийских кесарей нашли себе надежного союзника в лице патриарха Никона, который в случае успеха рассчитывал стать вселенским патриархом с кафедрой в Константинополе.

Для осуществления этих честолюбивых планов, как нам советовали полностью находившиеся под властью пап восточные патриархи, нужно было прежде всего привести к единообразию русскую и греческую богослужебную практики, равняясь, естественно, на греков, уже более двухсот лет до этого подчищавших свои книги по римско-католическим образцам. Так началась у нас церковная «реформа» XVII века. «...греческим справщиком у патриарха Никона оказался Арсений, выученик униатской коллегии в Риме, а оригиналом для исправления — новопечатные греческие книги, изданные в Венеции»¹.

В результате подобной правки появились образчики совершенно нового отношения к смыслу и к духу православного учения Церкви Божией. Скажем, сравнение старого (дореформенного) и нового (послереформенного) текстов таинства Крещения, данное в книге Бориса Кутузова «Церковная реформа XVII века, её истинные причины и цели», говорит само за себя. Так старый текст молитвы звучал:

«...молимся тебе, Господи, ниже да снидет с крещаемым дух лукавый».

А в новом уже читаем:

«...ниже да снидет с крещаемым, молимся тебе, дух лукавый».

Так что не все обличали ревнители старого обряда новообрядцев: «духу лукавому молятся».

¹ Карташев А. В. Смысл старообрядчества. — Церковь, 1992. №2. — С. 20.

«Могли ли так ошибиться правщики? Не была ли эта намеренная ошибка?» — спрашивает в вышеуказанной книге Борис Кутузов. Да сам же и отвечает: «Так или иначе, в Третьей книге 1915 года это место уже исправлено, вернулись к дореформенному варианту. Сколько же лет эта „ошибка“ работала на раскол, позволяя старообрядцам обличать новообрядцев в кощунственной порче текста?»

Около двухсот пятидесяти лет довольствовались исправленными молитвами, практически во все годы царствования Романовых!

А между тем теория старца псковского Спасо-Елиазаровского монастыря Филофея «Москва — Третий Рим» всё это время не сходила с уст всех патентованных идеологов имперского строительства. Да только при таком «трепетном» отношении к букве, но не к духу православия она, естественно, из эсхатологической, упреждающей нас о грядущей ответственности за приход в мир антихриста, превратилась мало-помалу в чисто политическую доктрину: «Два Рима пали, Третий, Москва, стоит, а четвертому не бывать». То есть, что бы там ни случилось, мы — народ богоносец. А то, что мы, русские, если отступим от чистоты православной веры, станем главными виновниками пришествия в мир антихриста, так и вовсе запомнили, как будто старец того и не говорил.

С другой же стороны, при таком «трепетном» отношении к чистоте православной веры чего можно было ждать от кесарей, ради возможного государственного величия осуществивших эту крутую правку? Или в течение двухсот пятидесяти лет даже не замечавших результатов sprawy?

Правильно: если первый русский царь Иоанн Васильевич Грозный ради спасения православия от жидовской ереси вынужден был пойти на раздел страны

на опричнину и земщину и всю оставшуюся жизнь потом каялся за свои вольные или невольные злодеяния, свершенные в результате этого раздела. То выше Христовой любви и истины поставивший в сердце своем константинопольский престол Алексей Михайлович уже без всякого сожаления устроил церковный раскол и с помощью полностью зависимых от него в денежном отношении восточных патриархов поставил на место слишком зарвавшегося собинного друга по «симфонии властей» патриарха Никона. Продолжатель же его дел по возвеличанию Руси и превращению её в Третий, последний, Рим сын Алексея Михайловича Петр I (1672—1725) и вовсе упразднил даже воспоминание о «симфонии», превратив Русскую Церковь в одну из коллегий своего обширного госаппарата.

С тех пор для Москвы, а потом уж и для Петербурга как для столицы вновь зародившейся Российской империи, могущество и величие государства стали единственным смыслом существования, тогда как православие с каждым последующим царствованием приобретало характер всё более помпезного идеологического декорума, без которого Третий Рим был бы в принципе невозможен. Впрочем, предоставим слово некоторым мирским критикам того времени, потому что в синодальный период Церковь отказалась от своей церковной свободы, а государство взамен того гарантировало ей существование и положение Церкви господствующей, упразднив всякую религиозную свободу в России. Тут уж, как говорится, не до максим св. Антония Киево-Печерского:

«Но нам подобает обличать и говорить во спасение души, а вам должно того слушаться».

Итак, И. С. Аксаков:

«Там, где нет живого внутреннего единства и целости, там внешность единства и целости Церкви может держаться только насилем и обманом»¹.

В. С. Соловьев пишет по поводу этого высказывания И. С. Аксакова, что слова его жестоки, но справедливы, ибо «хрупкое и сомнительное единство нашей Церкви» держится именно только насилем и обманом, «начиная с вымышленных деяний фиктивного собора против несуществующего еретика и кончая недавними подделками в переводах Деяний Вселенских соборов, изданных Казанской духовной академией».

«Я говорю, — пишет В. С. Соловьев, — о деяниях мнимого собора в Киеве в 1157 году, в которых еретика, Мартыну Армянину (впрочем, никогда не существовавшему), приписаны все мнения „староверов“ XVII века. Эта выдумка была столь груба и неправдоподобна, что наша церковная школа одну минуту сама устыдилась её. Но в последнее время усиление официального обскурантизма снова выдвинуло вперёд эту выдумку епископа Питирима»².

«Вся наступательная и оборонительная деятельность нашей Церкви, — пишет далее В. С. Соловьев, — сводится к ряду подлогов, совершенных с полной безопасностью благодаря бдительному покровительству духовной цензуры, предупреждающей всякую попытку их разоблачения».

«Что же касается насилия в делах веры, — вторит ему И. С. Аксаков, — то оно возведено в принцип и во всех подробностях развито в нашем Уголовном уложении.

¹ Аксаков И. С. Полн. собр. соч. Т. IV: Об официальной церкви. — М., 1890. — С. 100.

² Православное обозрение. 1887. Октябрь. — С. 306.

Всякое лицо, рожденное в господствующей Церкви или обращенное в православие, если оно перейдет в другую веру, даже христианскую, подлежит уголовному преследованию и суду наравне с фальшивомонетчиками и грабителями на больших дорогах. Тот, кто, не прибегая к принуждениям и насилию, одним убеждением склонит кого-либо к отпадению от господствующей Церкви, подвергается лишению гражданских прав и ссылке в Сибирь или заключению в тюрьму»¹.

Естественно, что при таком положении дел в господствующей Церкви и при подобной «симфонии властей», установившейся в Российской империи, лучшие, романтично настроенные умы ещё до глубокого проникновения в суть вещей с неизбежностью отшатывались от православия. А если кто и оставался в господствующей Церкви, то скорее уж вопреки официально установившемуся порядку вещей в стране, чем благодаря ему. Так св. Серафим (Саровский), подобно древним печерским инокам, ушел на молитву в дремучий лес и там, в одиночестве и в безбытности, вновь обрел утерянный смысл жизни: «Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божиего»².

Но много ли было тогда таких?

Согласно «Истории Русской Православной Церкви» протоиерея Владислава Цыпина, за сто семьдесят три года от Собора 1549 г. до учреждения Синода (1721 г.) были канонизированы 146 святых. Тогда как от учреждения Синода до восстановления патриаршества на Руси, то есть за двести неполных лет, канонизировали как обще-

¹ Аксаков И. С. Полн. собр. соч. Т. IV: Об официальной церкви. — М., 1890. — С. 100.

² Из беседы св. Серафима (Саровского) с Н. А. Мотовиловым, ноябрь 1831 г.

церковных только 10 святых, а местночтимых — 15. Всего-то 25 человек!

Немудрено, что основная масса образованных русских людей поневоле отворачивалась от официальной Церкви и начинала искать истину... вне самой истины. К примеру, в светской (масонской) культуре западноевропейского Просвещения с её патентованным рационализмом и свободомыслием. И так как свято место пусто не бывает, то обличать мирские власти и «говорить во спасение души» вместо подвижников благочестия начали писатели-гуманисты. О чем в своей знаменитой «Пушкинской речи» и заявил во всеуслышание Ф. М. Достоевский:

«Пушкин как раз приходит в **самом начале правильного самосознания нашего**, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем **после целого столетия с петровской реформы**, и появление его сильно способствует освещению темной дороги нашей **новым направляющим светом**»¹.

Глава №4

Русская классическая художественная литература

Что ни слово в этой короткой фразе великого русского писателя-гуманиста — то откровение и загадка. Итак, если «Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего», то выходит, целую тысячу

¹ Речь произнесена Ф. М. Достоевским 8 (20) июня 1880 года на заседании Общества любителей российской словесности и опубликованная 1 августа в «Дневнике писателя».

лет до этого Русь жила при неправильном самосознании? То бишь православно-монархическая государственность от святого князя Владимира до... Николая I была как минимум ошибкой. Тогда как правильное самосознание наше, согласно мнению Достоевского, «едва лишь началось и зародилось в обществе нашем после целого столетия с петровской реформы», ну где-то в аккурат к 1825 году, как раз к моменту восстания декабристов. «...и появление его сильно способствует освещению темной дороги нашей **новым направляющим светом**».

Из этой части фразы вытекает, что православие, тысячу лет до этого формировавшее самосознание русского человека, было темной дорогой нашей. Тогда как только теперь, при Пушкине, нас озарил новый направляющий свет.

Что же это за свет такой, который совсем уже не евангельский, а какой-то другой, особый, нас озаряющий и направляющий? И именно «в этом-то смысле», согласно словам Ф. М. Достоевского, «Пушкин есть пророчество и указание».

Так чего пророчество А. С. Пушкин? И куда направляет нас новый свет?

Далее в своей речи Федор Михайлович проясняет: «В Алеко Пушкин уже отыскал и гениально отметил того несчастного **скитальца** в родной земле, того исторического русского страдальца, столь исторически необходимо явившегося в **оторванном от народа обществе нашем**».

Ну что ж, вполне логично: если простой русский народ продолжает жить в «евангельских потемках», а нас озарил вдруг какой-то иной направляющий свет, то должен быть и его носитель. А появиться он мог исключительно «в оторванном от народа обществе». Только, в отличие от простых, оторванных от народа господ-обывателей, он, естественно, страдающий и несчастный скиталец в родной земле. «Тип этот верный, — говорит

Достоевский далее, — и схвачен безошибочно, тип постоянный и надолго у нас, в нашей Русской земле поселившийся».

Как справедливо пишет один из исследователей знаменитой «Пушкинской речи» Ф. М. Достоевского, впервые попробовавший взглянуть на слова писателя исключительно с православной точки зрения, священник — литературный критик о. Георгий Селин, «греческое слово „топос“ означает „образ, форма, тип, первообраз“, а ещё — „отпечаток“». Так отпечатком чего же или кого является тип Алеко? Тем более что он столь важен для дальнейшего понимания всего происходившего, да и до сей поры происходящего, у нас, в России?

Алеко есть «отпечаток духа, оторвавшегося от своей среды». «Переведа мысль Ф. М. из плоскости земной в идеальную, — пишет о. Георгий Селин, — можно с некоторой долей приближения сказать, что Пушкиным был отыскан и верно схвачен **первообраз скитающегося духа**... который мало сказать — постоянный, он — вечный»¹.

Дух, оторвавшийся от христианской почвы, а при этом ещё и источающий из себя какой-то иной, внеевангельский, но явно духовный свет.

Неужто же сам Денница?..

Попробуем разобраться.

Впрочем, послушаем самого Ф. М. Достоевского:

«Эти русские бездомные скитальцы продолжают и до сих пор своё скитальчество и ещё долго, кажется, не исчезнут. И если они не ходят уже в наше время в цыганские таборы искать у цыган в их диком своеоб-

¹ Священник Георгий Селин. Загадка 2027 года. — М.: Академика, 2016. — С. 178.

разном быте своих **міровых идеалов** и успокоения на лоне природы от сбивчивой и нелепой жизни нашего русского — **интеллигентного общества**, то всё равно ударяются в социализм, которого ещё не было при Алеко, ходят **с новой верой** на другую ниву и работают на ней ревностно, веруя, как и Алеко, что достигнут в своём фантастическом делании целей своих и счастья не только для себя самого, но и **всемирного**. Ибо русскому скитальцу необходимо именно всемірное счастье, чтоб успокоиться: дешевле он не примирится».

Ну вот вкратце и описание духа и носителя нового, направляющего Россию света. В отличие от того же православного традиционалиста св. Серафима (Саровского), который считал, что «стяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи», страдающий скиталец, вышедший из среды оторвавшегося от народа русского интеллигентного общества, заражен новой, неправославной верой. Во дни Достоевского она носила название социализм. И вела не к стяжанию Духа Святаго Божиего, не к спасению своей, отдельно взятой погибающей души, но, как казалось духовным скитальцам того времени, — к всемирному счастью, к раю на земле, к коммунизму. Фёдор Михайлович Достоевский, с одной стороны, понимал, что дело русских скитальцев не трезвое, фантастическое; но в то же самое время, со стороны другой, он сам себя явно не отделял от лучших страдающих носителей вновь зародившегося направляющего Россию света. И единственное, как он считал, к чему нужно прийти всем этим духовно безбытным русским интеллигентам, чающим всемірного счастья, так это к смирению. «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудишься на родной ниве, вот это решение по народной правде и народному разуму». А как только смиришься, то сразу же сможешь устроить всемірное счастье.

Итак, в своей «Пушкинской речи» Достоевский говорит о новом, только что зародившемся у нас, в России, направляющем свете. Свет этот не евангельский, ибо задачи, которые ставят перед собою вновь родившиеся носители этого света, явно не христианские. Посудите сами: Христос, обращаясь к каждому конкретному человеку, как мы помним, обещал: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и **найдете покой душам вашим**» (От Матф. 11; 28—29). Всего-то навсего! Не всемирное счастье гарантирует нам Спаситель, не рай на земле, не общество бесконечного шоколадно-колбасного потребления, но только «покой душам вашим». А уж стяжавший «дух мирен», по обетованию св. Серафима (Саровского), сможет утихомирить и привести к Богу тысячи ближних, чающих спасения во Христе. Те же, в свою очередь, действуя по любви друг к другу, более-менее гармонизируют общественно-политическую и бытовую жизнь, ту самую «юдоль плача», которую заслужили в результате грехопадения.

В пику им отпавшие от народа страдающие скитальцы, по словам Достоевского, меньше чем на всемирном счастье не успокоятся. Никогда. Даже если смирятся.

Так зачем же тогда смиряться?

Послушаем, что говорят о христианском смирении Святые Отцы. Скажем, тот же прп. Макарий (Оптинский):

«Жизнь наша есть духовная война с невидимыми духами злобы. Они возмущают нас залогственными нашими страстями и побуждают к преступлению заповедей Божиих. Когда вникнем и рассмотрим внимательно, то найдём, что на всякую страсть есть врачевство — заповедь, противоположная ей; а потому враги и стараются не допустить нас до сего спасительного врачевства...

В письме твоём ты упоминаешь о минутах трудной брани с ненавистником нашего спасения. Точно, трудно — без помощи Божией и когда мы вознадеемся на свой разум и силы или предадимся нерадению; но даже и самые падения всякого рода бывают попущение за возношение. Св. Иоанн Лествичник пишет: „Где падение, там предварила гордость“. Итак, нам должно всемерно стараться о приобретении смирения, потому что имеем брань с гордыми бесами; а смирение на них безтрудная победа... Чем же стяжаем сие сокровище — смирение? Надобно поучаться в писаниях святых отцов о сей добродетели и иметь во всем самоукорение, а ближних видеть лучше себя; ни в чем не укорять и не осуждать, а укоризны от них принимать как посланные от Бога ко уврачеванию наших душевных болезней»¹.

И далее: «Мы иногда побеждаемся и побеждаем, падаем и восстаем и по мере смирения нашего получаем помощь Божью. Это сильное оружие на врагов необходимо для нас. Но как же мы смиримся, когда через наши недостатки не познаем нашей немощи? Они-то нас и смиряют». Или у св. Григория Синаита: «Аще не будет человек побежден... не может смириться»².

Выходит, христианское смирение — это познание своих немощей в борьбе с грехом и возникающее в результате такого самопознания искреннее желание сердца молить Бога о помощи в борьбе с духами злобы поднебесной.

Достоевский же проповедует какое-то иное, ему только ведомое смирение, которое, по его словам, ведет к пониманию, что правду надо искать не в чужих землях,

¹ Душеполезные поучения преподобного Макария Оптинского. — Издание Введенской Оптиной Пустыни, 1997. — С. 58.

² Там же. — С. 64.

но внутри себя, а найдя эту правду и обретя смирение, можно будет подумать уже и о... «всемирном счастье».

Одним словом, Достоевский под словом «смириться» призывает всего лишь до времени затаиться, чтобы потом, вопреки всему, удовлетворить свои скитальческие фантазии о всемирном счастье.

Подобное «смирение» у Святых Отцов называется «смирением паче гордости». И от вкушения от его плодов Господь нас в Евангелии предупреждает: «Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: „Я Христос“, — и многих прельстят. Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это ещё не конец: ибо восстанет народ на народ и царство на царство; и будут глады, и моры, и землетрясения по местам; всё это — начало болезней. Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое; и тогда соблазнятся многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих; и, по причине умножения беззакония, во многих охладет любовь; претерпевший же до конца спасется. И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец» (Мт. 24; 5—14).

Получается, что мечта о «всемирном счастье» — прелесть исключительно антихристианская. И надо быть изощренно лукавым человеком, чтобы этот соблазн скитальческого сознания выдать за положительный христианский идеал.

Л. Н. Толстой, будучи по натуре проще, а по социальному положению независимей Достоевского, в своем глубочайшем неверии и в гордыне святое Евангелие в некоторых местах подчистил, а кое-где и переписал. А вот Ф. М. Достоевский, пройдя сквозь целожизненную

нищету, нелюбовь образованного светского общества и каторгу, все свои личные мечты и фантазии приписал... Христу. Правда, сделал это столь изящно и изощренно, во всем потакая оторвавшимся от народной веры «страдающим скитальцам» — «мечтателям на всю жизнь»¹, что и слабо верующим православно-монархическим почвенникам угодил, и аплодисменты всех слушателей «Пушкинской речи» — а это в основном были сплошь либерально настроенные мечтатели² о светлом будущем человечества — сорвал.

Выходит, не зря-таки пришедшая в 1917 году к власти в России первая волна «страдающих скитальцев» — марксистов-ленинцев на открытии памятника Ф. М. Достоевскому на Цветном бульваре в Москве устами одного из своих вождей, культуртрегера и идеолога построения социализма А. В. Луначарского пошутила: «Великому русскому писателю от благодарных бесов».

«Приходит пора сказать, откуда же к нам, в Россию, пришла абсолютно чуждая христианству идея лечения

¹ Определение, введенное Достоевским во время чтения им «Пушкинской речи».

² Мечтатели — слово, встречающееся в Библии всего лишь один раз; имеет ярко выраженный негативный оттенок. «Как Содом и Гоморра и окрестные города, подобно им блудодействовавшие и ходившие за иною плотью, подвергшись казни, огня вечного, поставлены в пример, так точно будет и с сими мечтателями, которые оскверняют плоть, отвергают начальства и злословят высокие власти. Михаил Архангел, когда говорил с дьяволом, споря о Моисеевом теле, не смел произнести укоризненного суда, но сказал: „Да запретит тебе Господь“. А сии злословят то, чего не знают; что же по природе, как бессловесные животные, знают, тем растлевают себя. Горе им, потому что идут путём Каиновым, предаются обольщению мзды, как Валаам, и в упорстве погибают, как Корей». (Соборное послание апостола Иуды, 1; 7—11).

больного общества путем не борьбы всякого конкретного человека со своими страстями и праздномечтаниями, но путём смены внешних условий жизни. Да из масонских лож! Причем вылечить общество от всех его пороков и недостатков должны были философия и искусство». «С одной стороны, с помощью прекрасного, а с другой — с помощью показа пороков, от которых человек должен содрогнуться, с отвращением отвернуться и сказать: больше так не буду. На самом деле дело обстояло прямо обратным образом: изображение пороков в литературе служило (да и до сих пор служит! — И. Ж.) к утверждению их в ещё большей степени в сознании людей, читателей, и для социальной психологии это абсолютный факт. Обличение порока, показ его без одежды всегда есть соблазн, включающий мощный механизм приращения помыслов, примеривания на себя и совершения греха в своём сердце»¹.

Так что художественная литература буквально была призвана по своему социальному долгу заместить религиозную потребность человека и дать ему свои, мирские, безбожные образцы поведения, в которых евангельскому учению просто не было места, или, по крайней мере, оно допускалось лишь в качестве литературного украшения. Она делала читателей, по видимости, умней, чувствительней, но духовней и добрей — никогда. Порок только множился да крепчал. Как говорил в своей «Пушкинской речи» сам Ф. М. Достоевский: «Алеко и Онегин породили потом множество подобных себе в нашей художественной литературе. За ними выступили Печорины, Чичиковы, Рудины и Лаврецкие, Болконский (в „Войне и мире“

¹ Острецов В. МASONСТВО, культура и русская история. — М.: изд. общ. ООО «Штрихтон», 1998. — С. 481.

Льва Толстого) и множество других, уже появлением своим засвидетельствовавшие о правде первоначально данной мысли Пушкиным». Страдающие скитальцы действительно вышли на сцену жизни. И метались по ней до тех пор, пока не устроили вначале Великую Октябрьскую социалистическую революцию 1917 года, а потом и Великую криминально-демократическую революцию 1984—1992 гг. И напрасно св. Игнатий (Брянчанинов) предупреждал: «По образцам порока портится человек, по образцам добродетели исправляется»¹, напрасно в пьесу «Евгению Онегину» А. С. Пушкина и «Герою нашего времени» М. Ю. Лермонтова писал свою единственную литературно-художественную повесть «Иосиф» о жизни библейского Иосифа и его братьев. Корабль русской гуманистической литературы шел строго по курсу, предназначенному ему Пушкиным. А когда социально-политические праздномечтания заканчивались, как и должно то быть, катастрофой, очередные «страдающие скитальцы» тотчас же находили новые миражи для своих беспочвенных упований.

Так, не успев отхаркаться кровью после «народно-освободительной революции 1917 года», один из её идейных вдохновителей и вождей писал: «Я утверждаю, наконец, что исход борьбы решен и что движение гуманной цивилизации сменилось новым движением, которое также родилось из духа музыки; теперь оно представляет из себя бурный поток, в котором несутся щепы цивилизации; однако в этом движении уже намечается новая роль личности, новая человеческая порода; цель движения — уже не этический, не политический, не гуманный

¹ *Игнатий (Брянчанинов) свт.* Полное собрание творений. Т. 4. — М.: Паломник, 2002.

человек, а **человек-артист**; он, и только он, будет способен жадно жить и действовать в открывшейся эпохе вихрей и бурь, в которую неудержимо устремилось человечество»¹.

А другой, его младший собрат по цеху, услужливо уточнял:

«Новый на кобыле
Едет к миру Спас.
Наша вера — в силе.
Наша правда — в нас!»²

Наш народ, увы, соблазнился на эту вновь обретенную вне церкви «правду». И через семьдесят пять лет, пережив её идеалы на собственных обмелевших душах, вновь оказался, подобно сказочной бабе Пушкина, перед очередным идеологическим разбитым корытом (Вторая свободно-рыночная, криминально-демократическая революция 1989—1992 гг.).

Одним словом, русская гуманистическая художественная литература на поверку оказалась всего лишь «слепую вождицей слепых». Да и это стало возможным лишь потому, что в синодальный период нашей истории официальная русская «Церковь отказалась от своей церковной свободы, а государство взамен этого гарантировало ей существование и положение Церкви господствующей, упразднив религиозную свободу в России»³.

Вот и пришлось священноначалию сживаться с существующим положением вещей, и из людей духовных, со-

¹ А. Блок, из статьи «Крушение гуманизма».

² С. Есенин, поэма «Инония». 1918 г.

³ Кутузов Б. Метастазы никоновской реформы. — М., 2016. — С. 14.

вестливых и ответственных перед Богом за вверенное им стадо Христовых словесных овец привелось превратиться в обычных госслужащих со всеми вытекающими отсюда последствиями. «В высших пастырях, — писал святой того времени Игнатий (Брянчанинов), — осталось слабое, темное, сбивчивое, неправильное понимание по букве, убивающей духовную жизнь в христианском обществе, уничтожающей христианство, которое есть дело, а не буква»¹. «...Чиновничеством уничтожено в Церкви существенное значение иерархии, уничтожена связь между пастырями и паствою, а миролюбие, ненасытное стремление к суетным почестям, к накоплению капитала уничтожило в пастырях христиан, оставило в них лишь презренных ненавистных полицейских по ненависти их к народу, по злоупотреблениям и безнравственности»².

Вот почему из огромного количества священнослужителей и монашествующих за два с лишним века синодального периода русской церкви были канонизированы всего только 25 человек. Тогда как в XVII веке, при всех его смутах и расколе, не считая замученных за чистоту православной веры старообрядцев, — 50. А в мрачном средневековье XVI века — наибольшее количество за всю предреволюционную историю русской церкви — аж 107 (!). Больше того, несколько канонизированных святых в синодальный период русской Церкви являлись откровенными, всеми признанными... масонами. Так «...архиепископ, а потом митрополит Московский Платон Левшин покровительствовал деятельности ордена не случайно. Членом ложи „Умирающего сфинк-

¹ Игнатий Брянчанинов И. Собрание сочинений в 7 томах, Краматорск, 2009, Т. 7. С. 658—659.

² Там же. Т. 7. С. 666.

са“ был и Московский святитель Филарет Дроздов. В списке членов ложи его фамилия стоит под №32 (ОР ОГБ, ф. 439, карт. 24, ед. хр. 5, л. 13)». Подробнее см. Сушков, «Записки о жизни Филарета». — М., 1868; П. Бартенев. «Русский архив», 1906, т. 9, с. 93. Массонство среди духовенства ревностно насаждали и Шварц, а особенно А. Н. Голицын и М. М. Сперанский¹. О том же писал и святитель Игнатий (Брянчанинов): «В книжке „Христианское чтение“ за декабрь имеется примечательная статья „Новые издания по расколу И. Нильского“. Тут смело выставлены уклонения Велико-российской Церкви. Сильно задет Филарет по участию в масонском учении»².

Естественно, что при таком положении вещей роль учителей и духовных радетелей за народ легко и безболезненно перешла к русской гуманистической художественной литературе, которая на поверку и сама оказалась глашатаем масонской идеологии — кальки с откровенно иудейского ожидания прихода в мир Мошиаха, с точки зрения христианства — антихриста.

И только малая толика истинных христиан, не приметным образом удалившись от не внимающих своему спасению, занялась традиционным духовным деланием, которым во все века христианства спасались святые отцы и истинные подвижники благочестия. Среди этих удалившихся с магистральной дороги развития русского обрванного общества был и св. Серафим (Саровский).

¹ Острецов В. Массонство, культура и русская история. — М., 1999. — С. 282.

² Брянчанинов И. Собрание сочинений в 7 томах. Т. 7. — Краматорск, 2009. — С. 654—655.

Глава №5

«Серафимов служба» — Н. А. Мотовилов

Общеизвестно, что мысль о смысле и цели христианской жизни высказана была св. Серафимом (Саровским) зимой 1831 года в разговоре с 22-летним Николаем Александровичем Мотовиловым (1808—1879). Назвать эту мысль основательно подзабытой образованным русским обществом, а оттого, естественно, сокровенной и долгожданной, значит, ничего не сказать. За более чем столетие со времен упразднением Петром Первым духовной свободы в Церкви, за годы гонений на старообрядчество, когда больше радели о букве вероучения, чем о духе любви Христовой, русская душа настолько истосковалась по полноте благодати осмысленной жизни в Боге, что, встретив в записках малоизвестного человека истинные скрижали веры, она безоговорочно заглотнула и все прочие размышления, оказавшиеся в тетрадке; а самого автора, ещё до всякого осмысления, насколько же он и впрямь был близок к Саровскому Чудотворцу, с легкой руки С. А. Нилуса (1862—1929) нарекла «Серафимовым служкой». Но вот в начале 1990-х годов, в Государственном архиве Российской Федерации (бывшем ЦГАОР) историками было обнаружено дело III (жандармского) Отделения Императорской канцелярии, содержащее письма Н. А. Мотовилова к двум Государям Императорам — Николаю I и Александру II. А в 2003 году в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ, бывшей публичной имени М. Е. Салтыкова-Щедрина), в фонде Санкт-Петербургской духовной академии (СПбДА), был обнаружен уникальный документ — докладная записка самого Н. А. Мотовилова на 169 страницах рукописного текста, из которой ясно следует, что «Серафимов служба»,

как он сам себя называл, встречался со св. Серафимом (Саровским) всего только... несколько раз в жизни. Причем впервые — в восьмилетнем возрасте. Его привезла к святому родная мать, Мария Александровна, в девичестве Дурасова. А уже при повторной встрече, 9 сентября 1831 года, Серафим одним словом исцелил 22-летнего Мотовилова «от тяжких и невероятных, великих ревматических и других болезней, с расслаблением всего тела и отнятием ног, скорченных и в коленках распухших, и с язвами пролежней на спине и боках, коими страдал» тогда молодой дворянин более трех лет до этого.

А уже через пару месяцев, во время их третьей встречи, в ноябре 1831 года, неподалеку от Саровской обители, в дремучем лесу, произошла и знаменитая беседа святого и его служки «О цели христианской жизни». Рукопись этой беседы была обнаружена лишь через 70 лет в бумагах жены Николая Александровича, Елены Ивановны Мотовиловой (†1910). В 1902 году она передала для разбора короб рукописей своего покойного мужа С. А. Нилусу (1862—1929). И тот в мае 1903 года в газете «Московские ведомости» впервые обнародовал этот бесценный труд.

Не знаю, как кого, дорогой вдумчивый читатель, но лично меня уже только этот короткий перечень событий несколько настораживает. Неужели святому, причем под занавес его многотрудной жизни (1754—1833), некому было рассказать о самом главном — «о цели христианской жизни»? И он посвящает в тайны духовной жизни 22-летнего паренька, едва ли не от рождения склонного к беснованию?

Из вышеупомянутой мной докладной записки, то есть из уст самого Мотовилова, мы узнаем, что он «уже при Крещении закричал чрезвычайно громко, и его черные, как смоль, волосы сделались белые, как лен». Все тогда подумали, что новорожденный Коленька громко

возопил единственно потому, что вода была очень холодна и он испугался холода. Но, как пишет сам Мотовилов, это произошло оттого, «что при сошествии благодати Святого Духа (!) на крещаемого **дозволено было в то же время и бесу войти в него и разбить весь состав его** (выделено И. И. Ж.), чтоб можно было ему вместишься в нем. И вот от этого именно бесовхождения в душу младенца и закричал он так страшно и громко». Далее Мотовилов рассказывает о том, что он долго страдал потом на первом году своей младенческой жизни, и хотя врачи называли его болезнь каменной; на самом деле это была боль от вселившегося в него по попущению Божиему беса, производившего в нем эту боль.

Были с ним после этого и такие странности: согнется он, например, «в кольцо, закинув ноги за уши, и на спине завертится, как кубарь, так что уже не видать ребенка, а только один вертящийся круг живого существа вместо неодушевленного, вертимого посторонней силою, потому что неужели младенец мог сам это делать? Тебе именно говорю, что это в нем действовал бес, тем более что по окончании работы этот враг мгновенно развертывал его (младенца) и ударял руками и ногами об пол, чего он сам делать не мог, почему родители его, не зная, что в нём делается, и подстилали кошмы и подушки в той комнате, где он проводил бессонные ночи, ибо до трех лет он спать по ночам не мог, а утешался, только глядя на звезды и месяц, и, дождавшись восхода солнечного, лишь тогда засыпал, и многие другие странности, будто бы капризы его, происходили лишь только от действий в нём этого же беса...»

Всё это Мотовилов рассказывал высокопреосвященному архиепископу Антонию Воронежскому. На что архипастырь якобы отвечал: «Храни до времени всё то в сердце своём и сообщай боящимся Господа Бога, а когда время придет, то возвестится об этом и целому миру».

А вот якобы «и его собственные слова, неоднократно мне сказанные по сему случаю: „А разве на то Господь так много чудодействовал в жизни Вашей и такие дивные дела Свои открыл Вам, чтобы это нужно было только для одного Вас самих утверждения в вере своей? Вы и без таких чудес были бы верны Ему и могли бы спастись; но это нужно было миру — во утверждение истины, что Иисус Христос вчера и днесь Той же и вовеки, что Дух Божий, как прежде действовал в избранных Своих, так и ныне дает, ему же хошет, Свои дарования. Так и Вам это всё не для Вас только дано одних, но для возвещения целому миру, о чем, когда не будет меня и кончится термин страданий Ваших, возвестите во славу даровавшего Вам то Господа Бога, в пользу и назидание всем хотящим спастись, и не только им, но и не хотящим своего спасения или не понимающим крайней и необходимой нужды в этом великом деле для каждого человека, потому что Господь наш Иисус Христос и неищущим Его явлен бысть“».

Не знаю, как Вам, дорогой вдумчивый читатель, но мне от этих слов воронежского архипастыря становится как-то не по себе. Выходит, что вселение беса в младенца во время таинства его святого крещения, а также все прочие чудеса, творившиеся с Мотовиловым до трехлетнего возраста, не столько попущения Господни, сколько «чудодействия Божие». И все они совершались только для того, чтобы истинно верующие православные христиане при ознакомлении с подобными чудесами ещё более утверждались в вере, а неверующие и не ищущие спасения содрогнулись от ужаса перед бездной и пришли помаленьку к вере!?

А как же «невозможно привести к Богу на отрицательных примерах»? — Св. Игнатий (Брянчанинов).

Однако продолжим чтение:

«...В возможности существования бесов или житья их в некоторых людях я нимало не сомневался, — пишет Мотовилов, — но мне **по врождённой неутолимой любознательности хотелось ещё и на самом себе видеть и испытать и, подобно Фоме-апостолу, духовно осязать и чувственно удостовериться, каким же образом это обстоятельство бывает в людях на самом деле...**»

Насколько мне известно, все Святые Отцы Православной Церкви в один голос вторят: не пытайтесь заглядывать в глубины сатанинские, «тьма обязательно засосет» (Св. Паисий (Афонский)); держитесь поближе к Богу! Ведь сатана, как известно, Самого Спасителя искушить пытался. А уж для нас, маловеров, специально молитва дадена: «И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого». Дело падшего человека — непрерывное покаяние. «Одно ощущение из всех ощущений сердца, в его состоянии падения, может быть употреблено в невидимом богослужении: печаль о грехах, о греховности, о падении, о погибели своей, называемая плачем, покаянием, сокрушением духа... Покаяние и се, из чего оно составляется, как то: сокрушение или болезнование духа, плач сердца, слезы, самоосуждение, памятование и предошущение смерти, суда Божия и вечных мук, ощущение присутствия Божия, страх Божий — суть дары Божии, дары великой цены, дары первоначальные и основные, залогов даров высших и вечных. **Без предварительного получения их подаяние последующих даров невозможно...** Покаяние, сокрушение духа, плач суть признаки, суть свидетельство правильности молитвенного подвига; отсутствие их — признак уклонения в ложное направление, признак самообольщения, прелести или бесплодия...» (Свт. Игнатий, том 1, с. 260.) И сколько великих светильников Духа Святаго, всего лишь на миг-другой отвлекшись от этого спасительного

покаянного пути, падало и... погибало. Достаточно напомнить всем известный исторический факт из жизни святого «золотого века» монашества на Руси, преподобного отца нашего Исаакия, затворника киево-печерского (память 14 февраля).

«Преп. отец наш Исаакий, став иноком, начал суровую подвижническую жизнь. Не довольствуясь ношением власяницы, он приказал купить себе козлище и снять с него мех, который он надел поверх власяницы; мех был необделанный и мокрый, а потом осохся на его теле. В таком облачении затворился преподобный в пещерной келье, настолько тесной и малой, что она скорее напоминала собой узкий проход, и здесь молился Богу со слезами. Пищей ему служила просфора, да и ту он употреблял через день, и воду пил очень умеренно. Эту скудную пищу приносил ему преп. Антоний и подавал через оконце, в котором могла вместиться только одна рука. При этом Исаакий никогда не ложился на бок, но немного засыпал сидя. В таковом житии, не выходя из кельи, пробыл он в продолжение семи лет.

Однажды, по наступлении вечера, начал блаженный затворник творить обычное коленопреклонение, поя псалмы до полуночи. Когда же почувствовал изнурение и слабость сил, он погасил свечу и сел на своём месте. И вот внезапно воссиял в пещере великий свет, как бы от солнца. Нельзя было свободно открывать глаза. В то же время показались тут два беса в образе прекрасных юношей, лица их блистали, как солнце. Бесы сказали преподобному: «Исаакий! Мы ангелы, и вот грядет к тебе Христос с прочими ангелами». Исаакий, восставши, увидел множество бесов, лица коих сияли; один из них, стоящий посредине, сиял более всех; от лица его исходили лучи. Бесы сказали святому: «Исаакий! Вот Христос; падши, поклонись ему». Исаакий же, не поняв бесовского наваждения, **не вспомнив оградить себя крест-**

ным знамением, поклонился тому, как Христу. Тотчас бесы учинили крик великий, взывая: «Наш еси, Исаакий!» И, посадивши его, сами начали садиться вокруг, и мигом келья и проход пещерный наполнились бесами.

Один из бесов, мнимый Христос, сказал: «Возьмите сопели, тимпаны и гусли и ударьте дружнее, а Исаакий нам пусть попляшет». Тотчас бесы, ударив в сопели, тимпаны и гусли, схватили Исаакия, начали с ним скакать и плясать в продолжение многих часов и, измучивши его, оставили чуть живым и, так надругавшись, исчезли.

С наступлением утра, когда приспел час вкушения хлеба, пришел по обычаю к оконцу преп. Антоний и сказал: «Благослови, отче Исаакие!» Но ответа не было. Антоний несколько раз повторял своё приветствие, но не было ни гласа, ни послушания. Тогда, подумав, что преподобный преставился, он послал в монастырь, приглашая Феодосия и братию. Братия, придя сюда и открыв вход в пещеру, взяла Исаакия, считая его мертвым. Но, вынеся из пещеры, все заметили, что он ещё жив. Тогда игумен преп. Феодосий решительно заметил: «Воистину это случилось с ним от бесовского действия». Его положили на одр, и св. Антоний служил Исаакию.

В те дни случилось киевскому князю Изяславу возвратиться в Киев от Ляхской земли. Князь начал гневаться на преп. Антония из-за Всеслава, князя полоцкого, который во дни преподобного был будто бы некоторое время князем киевским. Святослав же черниговский прислал ночью за св. Антонием. Тот, придя в Чернигов, избрал место, называемое гора Болдыни, и, выкопав пещеру, поселился на горе, где ныне монастырь. Преподобный игумен Феодосий, узнав, что Антоний ушел к Чернигову, явился с братиею к пещере и, взяв Исаакия, принес его в свою келью и служил ему, ибо Исаакий был расслаблен умом и телом, так что не мог ни сидеть, ни вставать, ни повернуться на другую сторону, но лежал недвижно на одном

боку. Даже черви стали появляться под бедрами его. Преп. же Феодосий сам, своими руками, омывал и отирал больное и так служил ему в продолжение **двух лет**.

И поистине дивно: в продолжение двухлетнего недуга Исаакий не вкушал хлеба и воды, ни овощи, ни иной какой-либо пищи, однако мог жить, лежа на одре своём, нем и глух. Преподобный же Феодосий творил молитву над ним день и ночь, пока Исаакий на третье лето не заговорил, прося быть поставленным на ноги. Он начал ходить, как дитя, но в церковь не шел, так что его влекли туда насильно, и только потом начал понемногу привыкать к церкви. Стал также ходить в трапезу, где его сажали особо от братии и полагали перед ним хлеб, но он не хотел прикасаться к нему. Братия влагала хлеб ему в руку, но препод. Феодосий говорил: «Положите пред ним хлеб и не влагайте в руки его, пусть он сам ест». Так делали в течение всей недели. Он же, смотря на других, стал вкушать хлеб сам и так научился есть». (Киево-Печерский патерик. — Киев: «Лыбидь», 1991. — С. 88—90.)

А так как «Иисус Христос вчера и сегодня и вовеки тот же» (Евр. 13;8), то и «почувствуйте разницу»: один преподобный, всю жизнь проведя в затворе, на хлебе и на воде, только на миг расслабился и, позабыв осенить себя спасительным для всех нас крестом, тотчас был жестоко наказан за это бесами: в течение двух лет он провел в полном душевно-телесном расслаблении и лишь по молитвам святых Антония и Феодосия Киево-Печерских, в конце концов, исцелился. И другой, как его теперь любовно называют наши сегодняшние «ревнители благочестия» юродивый, сам, по собственному желанию, ни дня не прожив в аскезе, «по врождённой», как он пишет, **«неутолимой любознательности»**, захотел испытать на самом себе состояние беснования... Мало ему было беснования при крещении?! Не достаточным показалось бесовского коловращения в трехлетнем возрасте?! В 22 года,

после нескольких судьбоносных встреч со св. Серафимом (Саровским) и архиепископом Антонием I Смирницким, Воронежским и Задонским, захотелось в душе своей **сно-ва** встретиться... с бесом?!

«Я дрожал страшнее всякой лихорадки от ужаса, неизъяснимый страх возобладал мною и всеми силами души моей. Слово человеческое немощно выразить всю боль, тоску, сокрушение, недоумение и то неестественное страхование, вполне безотрадное, которое объяло целым составом моим, как бы впадшим в глубину вод...

И в таком-то бедствии быв, причастился я Пречистых и Животворящих Таин Господних 27 или 28 декабря 1832 года из рук самого высокопреосвященного Антония, но, к несчастью моему, не в облегчение, а в приложение и без того многих моих согрешений.

Владыко мой, бесценнейший благодетель Антоний, видя, что зубы у меня стиснуты стали вдруг при приёме в уста Пречистых Тела и Крови Христовых, сказал: «Проглоти». И зубы мои разжались, и Животворящие Тайны Тела и Крови Господних вошли во внутренность мою, но вместо обычной сладости и радости духовных и неизъяснимого успокоения, которые я до того всегда ощущал, причащаясь Пречистых Таин Господних Христовых, целый ад вселился в меня, так что я не помню, как я смог вычитать молитвы после причащения, как доехал до квартиры моей, напился чаю и лёг отдохнуть после причащения, ибо пролежал весь день тот как мёртвый...»

* * *

«Пропускаю всё затем прошедшее почти около года время по осень 1834 года и приступаю к описанию самого страшного и явного нападения на меня уже не людей, смущаемых бесами и служивших орудиями неис-

числимых козней их, но самого беса, и притом самого **хитрейшего** именно же: Аббадоны или Аввадоны — по-гречески же Апполиона — второго по Люцифере, то есть Деннице — главном и начальнейшем из всех отпадших от Господа Бога ангелов...

Было же это так.

Осенью 1834 года, бывши в Воронеже на памяти моего исцеления, то есть на день Покрова Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, я после оногo пожелал ехать в Курск...

Тогда бесы с громкими восклицаниями напали на меня: «А когда так ты не хочешь нас слушаться, а хочешь ехать к Антонию твоему в Воронеж — поезжай же, ну так вот, он и отнимет у тебя твою Катеньку». «Нет, — отвечал я, — Бог обетовал мне её». «Обетовал, — отвечали они, — посмотрим, как ты получишь её, эту обетованную тебе. А вот увидишь, Антоний отнимет её у тебя, а лучше нас послушай — поезжай в Симбирск, Катенька будет твоя, и насладишься всеми благами земными». «Нет, — отвечал я, крестясь со всех сторон, — нет, что бы ни было со мной, как бы ни устрашали Вы меня, а я всё-таки в Воронеж прямо еду — и никуда, помимо Воронежа, сворачивать не хочу». «Ну, когда так, — крикнули они разом, — так уж мы с тобой по-свойски разделаемся».

Страшное тёмное холодное облако влетело в тарантас, руки мои опустились, я не мог уже креститься более, ноги вытягиваться стали, рот невольно кто-то разжимал, как я ни стискивал зубы и губы, рот растворен был широко, а тёмное облако холодным и отвратительно вонючим потоком стало как бы вливаться мне в рот и горло, проходя в утробу мою, и когда всё вошло в меня, то рот сам затворился, зубы сцепил кто-то изнутри меня, и в одно мгновение от почек огненный поток с самым жгучим ощущением потёк по спинному хребту и мозгу, в нём находящемуся, прямо в головной мозг мой, и схва-

тил меня за темя, сжав его у себя, как бы зубами во рту, распёр всего меня, упираясь в пальцах рук и ног моих, так сильно стал жать меня, что я всю дорогу до Воронежа во время этой последней станции лишь только икал да икал беспрестанно...»

И вот после всего-то этого Мотовилов пишет: «Я не пишу историю жизни моей, а вскользь перебираю только те происшествия, которые по крайнему разумению имеют связь с моим главным до сей записки относящимся делом, и потому, умалчивая о многом, скажу, что в сей приезд мой в Воронеж, второй в жизни моей, высокопреосвященному явилась Царица Небесная и изволила ему сказать, что он напрасно меня пожурил за слово мое, что я служка Серафимов, и прибавила, что я Ей Самой служу, **приказывала ему быть нам в близких между собой сношениях, как одинаково Ей служащих и под одним Её небесным покровом находящихся.**

А святитель Митрофан **приказал** ему, чтобы он объявил мне сими словами о величии раба Божиего Серафима: «Скажи Мотовилу: зачем знавшие Серафима ищут помощи ещё и Митрофана себе, разве они не знают, что Серафим такую же, как и я сам, получил благодать от Господа...»»

Ну что тут можно сказать? В подтверждение своих слов Мотовилов ссылается на видения и откровения давно умершего человека, которые ни проверить, ни опровергнуть невозможно. Во всяком случае, сам архиепископ Антоний ничего подобного о себе ни единому человеку в мире, кроме самого Мотовилова, не рассказывал. Неужто явление ему Самой Царицы Небесной и святителя Митрофана Воронежского были настолько банальными фактами в судьбе этого иерарха, что о них и вспоминать не стоило? Или стоило, да только с одним «Серафимовым служкой», самолюбивым до беснования Мотовиловым? Что-то я сомневаюсь.

Однако продолжим дальше.

Рассказывая о последней встрече со св. Серафимом (Саровским), Николай Александрович пишет: «Великий старец Серафим, узнав по особенному, бывшему в ночи с 3-го на 4-е число сентября 1832 года, откровению ему о всех обстоятельствах жизни моей и извещая меня в 4-й день сентября того года в последней предсмертной беседе его со мною о всем том, что Господь дозволил ему отрыть мне, сказал между прочим: „Не говорите, ваше Боголюбие, „что мне Серафим“, потому что это хула на Духа Святого, ибо хотя мы сами по себе и простые, подобострастные всем человеки, но по Святыне даров Духа Святого, приусвоенной каждому из нас, будучи богоносными причастниками благодати Его, уже не на себя приемлем это поношение, а таким образом хулится Господь Бог Дух Святой, освящающий нас на великое служение Богу. И за таковую хулу на Духа Святого нет отпущения ни в сей век, ни в будущий“».

Перед нами вроде бы незамысловатая зарисовка состоявшегося некогда разговора св. Серафима (Саровского) с его будущим «служкой». Понимая всю своеобразность своего «духовного становления», более чем тридцатилетие пробесновавшийся Мотовилов снова, как и в случае с Преосвященным Антонием, подавляет читателя откровениями свыше. Узнав-де, «по особенному, бывшему в ночи с 3-го на 4-е число сентября 1832 года, откровению ему о всех обстоятельствах жизни моей и извещая меня в 4-й день сентября того года в последней предсмертной беседе его со мною о всем том, что Господь дозволил ему отрыть мне», 88-летний Старец зачем-то присовокупляет: «Не говорите, ваше Боголюбие, «что мне Серафим», потому что это хула на Духа Святого». То есть, насколько я, грешный, это всё понимаю, Мотовилов приписывает святому Старцу мелкое, ущемленное самолюбие никогда не боровшего-

ся со своею страстностью человека. Мы, мол, с Вами люди простые, вкладывает он в уста 88-летнего искушенного жизнью Старца, подобострастные всем человеки, «но по Святыне даров Духа Святого, приусвоенной каждому из нас, будучи богоносными причастниками благодати Его, уже не на себя приемлем это поношение, а таким образом хулятся Господь Бог Дух Святой, освящающий нас на великое служение Богу». Ах, ах, ах, столько благочестивого псевдосмирения, чтобы высказать всего лишь одну простенькую мыслишку: «Батюшка Николай, Вы уж, будьте так добры, уважайте меня, Святого, тем более что мы с Вами теперь в одной связке: богоносные причастники Его благодати. Всякое же сомнение в правдивости этих воспоминаний будет воспринято благочестивыми потомками как хула на Духа Святого. Поэтому, чтобы я, Мотовилов, одержимый с осени 1834 года по 13 августа 1861 года «духом второго после Люцифера беса, самого **хитрейшего** из всех: Аббадоны или Аввадоны — по-гречески же Апполиона» — не написал, ВСЁ должно быть воспринято потомками как истина в последней инстанции. То же, что подобными фигурами речи 88-летний Духоносный Старец обличается, как, с одной стороны, духовно неискушенный, но предельно самолюбивый юнец; а с другой стороны, как плохой учитель юношества, ибо как можно 22-летнего, в будущем БЕСНОВАТОГО паренька назвать богоносным причастником Божественной благодати, так потомки, надо полагать, по оскудению духовного разума и трезвения явно не догадаются. Так и заглотят хитренькую Аббадонову наживку. И все прочие «откровения» и «пророчества» якобы от св. Серафима (Саровского) воспримут как абсолютно правдивую информацию. А значит, и руководство к действию!

Глава №6

Пророчества о России

Согласно запискам в то время как раз бесноватого Мотовилова, св. Серафим (Саровский) о России пророчествовал следующее:

«Пройдёт более чем полвека. Тогда злодеи поднимут высоко свою голову. Будет это непременно. Господь, видя нераскаянную злобу сердец их, попустит их начинаниям на малое время, но болезнь обратится на главу их, и наверх их снидет неправда пагубных замыслов их.

Будет некогда Царь, который меня прославит, после чего будет великая смута на Руси, много крови потечет за то, что восстанут против этого Царя и Самодержавия, но Бог Царя возвеличит...

Мне, убогому Серафиму, Господь открыл, что на земле Русской будут великие бедствия. Православная вера будет попрана, архиереи Церкви Божией и другие духовные лица отступят от чистоты Православия, и за это Господь тяжко их накажет. Я, убогий Серафим, три дня и три ночи молил Господа, чтобы Он лучше меня лишил Царствия Небесного, а их помиловал. Но Господь ответил: «Не помилую их: ибо они учат учениям человеческим и языком чтут Меня, а сердце их далеко отстоит от Меня...»

Всякое желание внести изменения в правила и учения Святой Церкви есть ересь... хула на Духа Святого, которая не простится вовек. По этому пути пойдут архиереи Русской земли и духовенство, и гнев Божий поразит их...

До рождения антихриста произойдет великая продолжительная война и страшная революция в России... Произойдет гибель множества верных отечеству людей, разграбление церковного имущества и монастырей; осквернение

церквей Господних; уничтожение и разграбление богатства добрых людей, реки крови русской прольются.

Потом настанет время, когда под предлогом церковного и христианского прогресса, в угоду требованиям мира сего, будут изменять и извращать догматы (учение) и уставы Святой Церкви, забывая, что они имеют начало от Самого Господа Иисуса Христа, научившего и давшего указания Своим ученикам, Св. Апостолам, о создании Церкви Христовой и ее правил и заповедавшего им: «Шедше научите все народы тому, что Я заповедал вам».

Отсюда донныне сохранились дошедшие до нас правила и предания Св. Апостолов, которые разъяснены и утверждены окончательно раз навсегда их Св. Преемниками — Св. Отцами, руководимыми Духом Святым на семи Вселенских Соборах.

Горе тому, кто одно слово убавит или прибавит, наша вера не имеет никакого порока; горе тому, кто дерзнет внести какие-нибудь изменения в Богослужение и уставы той Церкви, которая есть «столп и утверждение истины» и о которой Сам Спаситель сказал, что даже врата ада не одолеют ее...

Но не до конца прогневается Господь и не попустит разрушиться до конца земле Русской... Мне, убогому Серафиму, от Господа Бога положено жить гораздо более ста лет. Но так как к тому времени архиереи русские так онечестивятся, что нечестием своим превзойдут архиереев греческих во времена Феодосия Юнейшего, так что даже и важнейшему догмату Христовой веры — Воскресению Христову и всеобщему воскресению веровать не будут, то посему Господу Богу угодно до времени меня, убогого Серафима, от сея преждевременная жизни взять и затем во утверждение догмата Воскресения воскресить, и воскрешение мое будет яко воскрешение семи отроков в пещере Охлонской во времена Феодосия Юнейшего. По воскрешении же моем я перейду из Сарова в Дивеево, где буду проповедовать всемирное покаяние...

Проповедь эта будет официально объявлена всем людям, не только русским, но и вселенским, во всесовершенное известие...

Перед концом времен Россия сольётся в одно море великое с прочими землями и племенами славянскими, она составит одно море или тот громадный вселенский океан народный, о коем Господь Бог издревле изрёк устами всех святых: «Грозное и непобедимое царство всероссийское, всеславянское — Гога Магога¹, пред которым в трепете все народы будут». И всё это, всё верно... Когда империя русская получит сто восемьдесят миллионов в своё владение, должно ожидать явления антихриста.

Антихрист родится в России между Петербургом и Москвой в том великом городе, который по соединении всех племён славянских с Россией будет второй столицей царства Русского и назван будет «Москво-Петроградом», или «Градом конца», как именует его Господь Дух Святой, издалече всё предусматривающий.

До явления антихриста должен состояться Восьмой Вселенский Собор всех Церквей...

Дух тьмы обещает устройство рая на земле... Среди славян и русских родится истинный антихрист-бесчеловек, сын жены блудницы Данова поколения...

¹ В книге пророка Иезекииля (Иезек. 38—39) «Гог из земли Магог» это «верховный князь», который является предводителем народов Роша (Роса), Мешеха (Мосха) и Фувала (Тубала) в земле Магог — «великого сборища полчищ», которые «от пределов севера» вторгнутся в обетованную землю «в последние дни... как буря» (Иезек. 39). В Апокалипсисе о Гоге и Магоге сказано: «Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их — как песок морской» (Откр. 20:7).

Но некто из русских, доживши до рождения антихриста, подобно Симеону Богоприимцу, благословившему Отрока Иисуса и возвестившему о рождении Его миру, проклянет рожденного антихриста и возвестит миру, что он есть истинный антихрист».

Я специально привел всё пророчество целиком. И на всякий «пожарный случай» напоминаю: Н. А. Мотовилов записал его не сразу после беседы со Святым Старцем, а, как сам об этом неоднократно рассказывал, только через **тридцать лет** после их судьбоносной встречи: **в пору** своего более чем тридцатилетнего **беснования**, накануне открытия мощей св. Тихона Задонского, которое, как известно, произошло 13 августа 1861 г.

Как пишут многие «ревнителю благочестия» наших дней, Н. А. Мотовилов обладал феноменальной памятью, а потому и через тридцать лет записал пророчества св. Серафима (Саровского) слово в слово.

Внешне это выглядит именно так: слог святого, обороты его речи сохранены полностью. Но посмотрим, соответствуют ли они по духу святоотеческому учению? И если не соответствуют, то где и насколько именно?

Как и всегда бывает, когда в святое дело примешивался бес, а уж тем более такой хитрый, как Аббадона, пророчества начинаются с чистой незамутненной правды. Уже первый публикатор записок Н. А. Мотовилова «Антихрист и Россия» в нашей стране (газета «Московский литератор» от 21 сентября 1990 г.) Александр Стрижев пишет: «Все, написанное до рассуждений о всероссийском всеславянском царстве Гога и Магога, помечено Н. А. Мотовиловым: „по точному выражению о. Серафима“. Тогда как дальнейшие рассуждения о России, „о переделе мира и невиданном расширении Российской империи, о рождении антихриста между Москвой и Петербургом, в том великом городе, кото-

рый будет назван Москво-Петроградом“, о созыве Восьмого Вселенского Собора „для окончательного проклятия всего масонства и всех подобных партий“, цель которых „подчинить весь мир антихристианству, в лице единовластного самодержавного царя, царя Богоборного, одного над всем миром, антихриста“, — умозаключения, скорее всего, самого Николая Александровича». Чего стоят хотя бы его сентенции о том, что «евреи и славяне суть два народа судеб Божиих, сосуды и свидетели Его, ковчеги нерушимые, прочие же все народы как бы слюна, которую извергает Господь из уст Своих». Только нетрезвый, до умопомрачения влюбленный в Россию русский, по мнению Александра Стрижева, мог написать о том, что лишь одни евреи да русские возлюбленные перед Богом, но во времена антихриста лишь славяне «удостоятся великого благодеяния Божия» за то, что не приняли сына погибели. И воцарится русский «всемогущественный язык на земле, и другого царства более всемогущественного, Русско-Славянского, не будет на земле».

Эти пророчества явно не стыкуются со святоотеческою традицией. С теми же, скажем, евангельскими пророчествами апостола Павла: «Ибо не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей, чтобы вы не мечтали о себе, что ожесточение произошло в Израиле отчасти, *до времени*, пока войдёт полное *число* язычников; и так весь Израиль спасется, как написано: придёт от Сиона Избавитель и отвратит нечестие от Иакова. И сей завет им от меня, когда снимут с них грехи их. В отношении к благовестию они враги ради вас; а в отношении к избранию — возлюбленные Божии ради отцов. Ибо дары и призвания Божии непреложны. Как и вы некогда были непослушны Богу, а ныне помилованы, по непослушанию их, так и они теперь непослушны для помилования вас, чтобы и сами они были помилованы. Ибо всех за-

ключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать» (К рим. 11; 25—32). Теперь пару слов о Библейском народе Гога и Магога.

«Некоторые думают, — пишет св. Андрей Кесарийский, — что Гог и Магог суть полунощные и отдаленнейшие народы скифские, или, как мы их называем, гунны, самые воинственные и многочисленные из всех земных народов. Только Божественною десницею они удерживаются до освобождения диавола от завладения всей вселенной. Иные, переводя с еврейского, говорят, что Гог обозначает собирающего или собрание, а Магог — возвышенного или возвышение. Итак, сими именами обозначается или собрание народов, или их **превозношение**». Надо полагать, что имена эти употреблены в метафорическом смысле для обозначения тех свирепых орд, которые вооружатся перед концом мира **против Христовой Церкви** под водительством антихриста. «И взыдоша на широту земли, и обыдоша святых стан и град возлюбленный» (Откр. 20:8¹) — это значит, что враги Христовы распространятся по всей земле и всюду начнется гонение на **христианство**². «И сниде огонь от Бога с небесе, и пояде я» (Откр. 20:9³). В таких же чертах изображал поражение свирепых полчищ Гога и Магога и св. пророк Иезекииль (Иез. 38:18—22⁴).

Мог ли такому «величию России» вкуче со славянскими народами перед концом света порадоваться святой Серафим (Саровский)?

Думаю, что нет.

¹ <https://azbyka.ru/biblia/?Apok.20:8>

² <https://azbyka.ru/1/hristianstvo>

³ <https://azbyka.ru/biblia/?Apok.20:9>

⁴ <https://azbyka.ru/biblia/?Ezek.38:18-22>

Глава №7 «Русская победа»

Несмотря на то что библейский народ Гога и Магога — сборище явно антихристианское, которое будет побеждено прямым вмешательством самого Всевышнего: «И сниде огонь от Бога с небесе, и пояде я» (Откр. 20:9¹), многие православные монархисты, подпав под обаяние в геополитическом плане довольно-таки соблазнительного «пророчества» от «Серафимова служки», готовы ради грядущего величия России в содружестве со славянским миром вновь пожертвовать «единственным на потребу». И вслед за Петром Великим, пробившим «окно в Европу», ринуться в это настезь распахнутое окно под завершающий нашу метаисторию «огнь Бога с небес». Для этого и икону уже соответствующую наметили. Из огромного сонма Богородичных икон (в месяцеслове, изданном Московской патриархией, упомянуты 295 названий) в качестве «победоносной» в грядущем Армагеддоне избрали не многократно уже спасавшие нас от смут и всяческих нестроений Казанскую (празднуется 21 июля и 4 ноября) или Владимирскую (3 июня, 6 июля, 8 сентября), не Федоровскую (27 марта и 29 августа) как намек на преемственность будущей власти в России от женской линии династии Романовых и даже не Державную (15 марта) как указующую на то, что власть в демократической России перешла от царя непосредственно к Божией Матери. Нет, символом грядущей «Русской победы» стала особо почитаемая в странах Центральной и Восточной Европы Ченстоховская икона Божией Матери (польск. *Matka Boska Częstochowska*). Написанная, по преданию, евангелистом

¹ <https://azbyka.ru/biblia/?Апок.20:9>

Лукой, она пребывает ныне в католическом монастыре Ясная Гора (польск. Jasna Góra) в польском городе Ченстохове, в обители паулинов, и является символом единства... польской нации. По данным на 2014 год, католический орден монахов-паулинов насчитывал 71 монастырь, из которых 22 находятся в Польше, а остальные расположены практически по всему миру: в Венгрии, в Хорватии, на Украине, в Белоруссии, в Словакии, в Германии, в Австралии, в Чехии, в США, в Великобритании, в Испании, в Литве, в Румынии и в нескольких африканских странах.

Не правда ли, очень удобная святыня для грядущего объединения России со всеми славянскими странами — будущим оплотом великого и могучего последнего русского царя, того самого Гога из народа Магога, которого будет бояться сам антихрист? Но так как в это грядущее объединение всех славянских народов мира войдет, надо думать, и земля, являющаяся естественной хранительницей иконы, избранной (кем не ясно?) символом грядущей «Русской победы», то здесь, надо думать, стоит вспомнить и об ещё одном пророчестве общехристианского, так сказать, калибра. Я имею в виду целую цепь явлений, имевших место в 1917 году, во время Первой мировой войны, в Фатиме — в небольшом португальском городке в 123 километрах от Лиссабона десятилетней девочке Лусие, её двоюродной пятилетней сестре Жасинте и семилетнему брату Франсишке, пасшим овец и игравшим в детские игры, некой «Дамы». Так же, как и Богородица в воспоминаниях «Серафимова служки», «Дама» эта оставила человечеству ряд таинственных пророчеств и повелений. Так, в частности, с её легкой руки в католичестве учредили культ «Непорочного сердца Марии», которого ранее не было в католицизме. И по её поручению в мае 2017 года Папа Франциск в Фатиме по случаю столетия фатимских явлений провозгласил святыми Франсишку и Жасинту, которые всю свою ко-

роткую жизнь (а умерли они в 1919 и в 1920 г. во время эпидемии испанского гриппа) молились по розарию (так велела им сама «Дама») и пили грязную воду вместо чистой, хлестали ноги крапивой, отпускали на свободу пойманных бабочек, короче, «жертвовали своею коротенькой детской жизнью» отнюдь не ради личного спасения, но исключительно **ради спасения грешников всего мира (!?)**. (Явная переключка с нашими русскими, оторванными от народа «мечтателями на всю жизнь», которые, по словам Достоевского, не угомонятся до тех пор, пока не приведут к всемирному счастью всего заблудшего человечества.)

«Третьей тайной», которая появилась вследствие ряда встреч «Дамы» со святыми отроками, были пророчества о России. Согласно свидетельствам монахини Лусии от 1936 года, 13 июля 1917 года «Дама» рассказала маленьким детям об угрозе новой войны, голода и преследования церкви. **«Чтобы избежать этого, приду Я просить посвящения России Моему Непорочному Сердцу и искупительного Причащения в Первые Субботы. Если мои просьбы будут услышаны, Россия обратится, и будет мир; а если нет, то она распространит свои заблуждения по всему миру, вызывая войны и гонения на церковь. Праведники станут мучениками, Святой Отец (Папа Римский) будет много страдать; различные народы будут уничтожены. В конце концов, Моё Непорочное Сердце восторжествует. Святой Отец посвятит мне Россию, которая обратится, и миру на некоторое время будет дарован мир».**

Из дальнейших воспоминаний монахини Люсии следует, что «Дама» сдержала своё обещание и 13 июня 1929 года явилась просить посвящения России. Тогда Лусии (ставшей уже монахиней-кармелиткой) вновь было видение и пришедшая «Дама» сказала ей: **«Пришло время, когда Бог просит Святого Отца в единстве со всеми епи-**

скопами мира посвятить Россию Моему Непорочному Сердцу, обещая спасти её таким образом»¹.

Именно в 1929 году в Риме папой Пием XI был основан учебно-научный центр «Руссикум» («Папский институт восточных исследований») для реализации грандиозных планов окатоличивания России. В разгар богоборчества (в 1920-1930-е годы было убито порядка 200 тысяч православных священников) папа Римский создал центр для подготовки русскоязычных пасторов. После полного уничтожения РПЦ коммунистами и крушения самого коммунизма планировалось заполнить Россию католическими священниками-миссионерами, которые окончательно решили бы вековой вопрос о подчинении России власти Папы Римского и искоренения православия².

В 1986—1992 годах коммунизм, как мы знаем, рухнул. Однако вопрос о посвящении России «Фатимской Мадонне» остается открытым. С 1980-х годов, когда в России и странах СНГ появились католические епископы, они постоянно посвящают нас «Непорочному Сердцу Девы Марии». Например, сайт «Фатима 1917» сообщает, что «13 мая 2017 года за торжественной мессой в Католическом соборе Матери Божией Фатимской папский легат кардинал Кордес и все епископы посвятили Россию и Среднюю Азию Непорочному Сердцу Пресвятой Девы Марии»³. Выходит, под «заблуждениями России», которые она может распространить по всему миру, «Дама» имела в виду отнюдь не коммунистическую идеологию,

¹ Петанов Макарий, иеродиакон. Правда о Фатиме. Православная церковь о католическом «чуде». // <https://knigogid.ru/books/276730-pravda-o-fatime-pravoslavnaia-cerkov-o-katolicheskomi-chude>

² Николаев Н. К. Экспансия Рима в Россию. — М.: без изд-ва, 2005. — С. 305.

а нечто другое? Вот почему, должно быть, впервые столкнувшись с вызовом «фатимских пророчеств» в 1990 г., патриарх Московский и всея Руси Алексей II на вопросы, касающиеся темы так называемого «чуда явления Божией Матери» португальским детям, пророчеств о России и его отношения ко всему этому, уклончиво ответил: «Сразу скажу, что мне сложно судить об этом явлении. Мы с вниманием относимся ко всему, что на Западе говорится о России, тем более в контексте христианской веры. Но при этом необходимо отметить, что многие реалии духовной жизни западных христиан являются частью только их опыта, имеющего определенные отличия от православной традиции. Мы уважаем почитание католической церковью явления в Фатиме, но сами затрудняемся высказать какое-либо определенное мнение на данный счет. Это духовный опыт католической церкви»⁴.

К сожалению, нашим новым русским ревнителям благочестия патриарх Алексей II не указ. Вооружившись «пророчеством» св. Серафима (Саровского) о том, что в предантихристовы времена *«архиереи русские так онечестивятся, что нечестием своим превзойдут архиереев греческих во времена Феодосия Юнейшего, так что даже и важнейшему догмату Христовой Веры — Воскресению Христову и всеобщему воскресению веровать*

³ Российские и казахстанские епископы посвятили Россию и Среднюю Азию Непорочному Сердцу Девы Марии. // Fatima1917.ru К 100-тию Фатимских явлений <http://fatima1917.ru/2017/05/13/rossijskie-I-kazaxstanskije-episkopy-posvyatili-rossiyu-I-srednyuyu-aziyu-neporochnjmu-sercu-deve-marii>.

⁴ Интервью святейшего патриарха Алексея журналу 30 Giorni / Русская православная церковь. Официальный сайт Московского патриархата, 15.01.2008 // <http://www.patriarchia.ru/db/text/351003.html>.

не будут», современные русские православные ортодоксы по умолчанию приняли, что те, последние, времена уже наступили. А потому, естественно, никакому слову никакого постсоветского русского архиерея верить теперь нельзя. И с истовостью всех прошлых и ныне живущих русских интеллигентов — они теперь все сплошь верующие (!) — решили спасти Россию от общецерковной апостасии.

До революции 1917 года, как мы помним, эти оторванные от почвы, «на всю жизнь мечтатели» (Ф. М. Достоевский), спасали народ от мрака ортодоксального православия, просвещая его единственно верным светом учения Маркса — Ленина. Ну а теперь, когда атеистическая атака по спасению России «новым все очищающим светом» (Ф. М. Достоевский) так и не удалась, развернулись ровно на сто восемьдесят градусов и продолжают спасать народ неистовую борьбой за чистоту православной веры.

Правда, в силу своей безбытности и природной нетерпеливости, всенародное возвращение в лоно Христовой Церкви многими современными борцами за чистоту православной веры мыслится несколько по-иному, чем было завещано нам Евангелием и Святыми Отцами. Не через личное покаяние и неспешное, многотрудное стяжание духа мирна с дальнейшим прицелом на помощь ближним, желающим также прийти к Христу. На такую длительную внутреннюю борьбу с личной страстностью и греховностью при внешне почти незаметном воздействии на окружающую среду наспех христианизировавшийся русский интеллигент, естественно, не способен. Ему подавай шумиху, видимый положительный результат, эффект! А потому в своем праведном нетерпении (да это ему и привычней) он уповает больше на чисто внешнее переустройство жизни: на возвращение к самодержавно-монархическому образу правления в России плюс

последующую затем общеславянскую «Русскую победу» под омофором иконы, особо почитаемой в странах Центральной и Западной Европы. То есть наша борьба с «системой» за чистоту православной веры в принципе даже мыслится по старинке: чисто внешним сражением с ненавистною нам «системой».

Видя, как народ всё больше отходит от православия, а священноначалие медленно, но упорно сближается с католичеством, «новые русские» «мечтатели на всю жизнь» считают единственно правильным выходом из создавшегося положения резкую перемену строя: смену либерально-эгалитарной формы правления в нашей стране недавно похеренным нашими же отцами православно-самодержавным режимом. Причем установление новой-старой системы жизни они не мыслят себе без жесткого тотального принуждения. Возвращение на круги своя при том внутреннем плюрализме, который возобладал в душе русского постсоветского человека за тридцать последних лет, по их просвещенному мнению, без насильственных мер немыслимо. Только опричные меры времен Иоанна Грозного могут встряхнуть народ, развеять морок псевдосвобод и подготовить сознание постсоветского человека к восприятию всеславянской миссии по спасению человечества от антихриста: «Последняя проповедь», рассказ о возможной реальности, Роман Котов, <https://likorg.ru/post/poslednyaya-propoved-rasskaz-o-vozmozhnoy-realnosti-roman-kotov>.

Понятия не имея, ни каким будет на самом деле предсказанный нам в пророчествах самим Богом предызбранный последний русский царь, ни какова программа его будущих благодатных действий, поджидающие его опричники уже хоть сейчас готовы перевешать еретиков-епископов, а весь остальной народ «крепкой рукой» привести к Христу. История реальных опричников, которые за семь лет умудрились пересажать на колы и пе-

рерубить головы едва ли не всем своим старшим братьям по ордену, их мало впечатляет.

Особенно показательна в этом смысле судьба главного идеолога опричнины, князя Афанасия Ивановича Вяземского, погибшего по ложному доносу облагодетельствованного им боярского сына Григория Ловчикова от руки собственного сына. Наши новые доморожденные опричники настолько не понимают, что ими движет, в упор не видя собственной страстности и греховности, что хоть завтра готовы отправить в застенки или пересажать на кол едва ли не всех своих оппонентов. Их настолько пьянит дух мести, победобесия и реванша, что они даже св. Серафиму (Саровскому) приписывают «радость» по поводу того, что в последние времена, при последнем русском царе, прольются моря еврейской (жидовской) крови. И что эта кровь якобы будет на Руси последней.

Дети малые, неразумные, в своём опьянении жаждой мести они не понимают даже того, что эта «шаловитая радость» противоречит не только духу Евангельской Любви, но даже чисто законническому духу Ветхого Завета.

Вспомним первые главы Книги Бытия. Сразу после того как Каин убил Авеля, Господь сказал ему: «Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей; когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать тебе силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле» (Бытие, 4; 10—12). Конечно, новые русские мечтатели могут сказать, что жида — это дети сатаны и для нас, православных, они не являются братьями. Но на это существует ответ из той же главы Книги Бытия: «И сказал ему Господь (Бог): за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро» (Бытие, 4; 15). То есть последней крови быть на земле не может! Либо ты, убив брата, становишься каинитом, и тогда твоя родная земля превращается для тебя

в мучительную темницу, где ты волен скитаться, проводя время в праздномечтаниях, а в глубине души всё время трясясь от страха стремительно надвигающейся гибели. Либо ты, убив Каина, автоматически подпадаешь под выше воспроизведенный духовный закон, в силу которого будешь расслаблен всемерно сильней его.

Мог ли такой перспективе последней «Русской победы» возрадоваться св. Серафим (Саровский)? Конечно, нет! Он мог бы лишь опечалиться подобному финалу нашей непростой истории. И только один «Серафимов служба», а также прельщенные иже с ним могут спокойно и обстоятельно констатировать: «Во Израиле родился Иисус Христос, истинный Богочеловек, Сын Бога наитием Св. Духа, а среди славян и русских родится истинный антихрист: бесочеловек, сын блудницы Данова поколения и сын диавола через искусственное переселение к ней семени мужского, с которым вместе вселится в утробу ея дух тьмы. Но некто из русских, доживши до рождества антихриста, подобно Симеону Богоприимцу, благословившему Отрока Иисуса и возвестившему о рождении Его миру, проклянет рожденного антихриста и возвестит мир, что он есть настоящий антихрист».

Глава №8

Старческая деменция или издержки роста?

Дойдя до этого места, любой более-менее вдумчивый человек должен прийти в смущение и спросить себя: как же так может быть, мы великий непобедимый народ Гога и Магога, способный противостоять самому антихристу, и в то же самое время именно в нашей, православно-монархической среде, сын гибели как раз и родится?

Да-да, как ни печально, но именно так будет, подтверждает эту догадку святитель Игнатий (Брянчанинов). «Св. Отцы Православной Церкви (например, св. Андрей Критский) в толковании на Апокалипсис (гл. 20) предсказывают России необыкновенное гражданское развитие и могущество. Это чувствуют и иностранцы. Недавно один английский государственный человек, в собрании, в котором рассуждали, что бы предпринять против русских, воскликнул: „Оставьте в покое этот народ, над которым особенная рука судьбы, который после каждого потрясения, способного, по-видимому, погубить его, делается сильнее и сильнее...“ Бедствия наши должны быть более нравственные и духовные. Обуявшая соль предвещает их и ясно обнаруживает, что народ может, и должен, соделаться орудием гения из гениев, который наконец осуществит мысль о всемирной монархии, о исполнении которой уже многие пытались»¹.

Практически то же самое пишет и Константин Леонтьев: «Без строгих и стройных ограничений, без нового и твердого расслоения общества, без всех возможных настоячивых и неустанных попыток к восстановлению распатанного сословного строя нашего русское общество, и без того довольно эгалитарное по привычкам, помчится еще быстрее всякого другого по смертному пути всесмершения, и — кто знает — подобно евреям, не ожидавшим, что из недр их выйдет Учитель Новой Веры, и мы неожиданно лет через 100 каких-нибудь из наших государственных недр, сперва бессловных, а потом бесцерковных или уже слабоцерковных, родим того самого антихриста, о котором говорит еп. Феофан вместе с другими духовными писателями. Не надо забывать, что антихрист должен

¹ «Собрание писем свт. Игнатия. — М.-СПб, 1995. Письмо №44.

быть еврей, и что нигде нет такого множества евреев, как в России, и что до сих пор еще не замолкли у нас многие даже и русские голоса, желающие смешать с нами евреев посредством **убийственной для нас** равноправности. Покойный Аксаков тоже находил, что тот, кто способствует равноправности евреев в России, уготовляет путь антихристу¹».

Вот вам и «новый направляющий свет». Пока русские люди жили, единственной целью своей жизни считая «стяжание Духа Святого, Божьего», пока Россия и укреплялась и прирастала землями. А как только погнались за объединяющей всех православных мира вселенской государственной мощью, а там и за вытекающим из этого гордого желания царством всеобщей справедливости на земле, так сразу и вляпались: вначале — в безбожную красную империю с праздно неисполнимой мечтой о светлом будущем для всего человечества (коммунизм); а там, не успев отхаркаться кровью лучших своих сынов от только что пережитого соблазна, — в новую авантюру: в грядущую «Русскую победу» на Армагеддоне в семье братских славянских народов Гога и Магога.

Причем лидеры нашего так называемого «духовного сопротивления» даже не понимают, что они являются прямыми наследниками и продолжателями дела Пушкина — Маркса — Ленина. Им ведь, наскоро оглашенным, кажется, что они, в отличие от беспочвенных духовных скитальцев недавнего прошлого, своих отцов и дедов, обрели настоящую духовную почву под ногами и в один прискок превратились из коммунистов и комсомольцев в ревностных поборников всенародного покаяния с последующим внедрением православно-монархической го-

¹ Леонтьев К., «Над могилой Пазухина».

сударственности в России как плацдарма для будущего единства всеславянского мира. Тогда как на самом деле, став православными чисто идеологически и даже не приступив к внутреннему духовному преобразению самих себя в духе Христовой любви и милости, а всего лишь действуя от противного, став на позиции крайнего цезарепапизма, они возмечтали топором да плетью возродить православно-монархическую империю в самом её мертвящем, антихристианском варианте. Ибо что может быть страшнее внешне чистого православия, внедренного топором и плетью? Из империи антихриста можно будет по крайней мере сбегать в христианское житие, в глухие сердечные катакомбы: «Ибо вот, Царство Божие внутри вас есть» (Лк. 17; 21). Но куда и в какие дебри бежать свежему, неопытному юноше, оказавшемуся в эпицентре православно-монархического «возрождения» с помощью топора и плети? В Евангелии о таких «мечтателях» просто и ясно сказано: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам, и украшаете памятники праведников, и говорите: если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови праведников; таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков; дополняйте же меру отцов ваших» (Матф. 23; 29—32).

Вы, надеюсь, заметили, дорогие вдумчивые читатели, как самые истовые из ревнителей современного благочестия, обличив и, надо сказать справедливо, то или иное отступничество от веры очередного князя РПЦ МП, едва ли не в тот же миг сами срываются в откровенную... даже не ересь, глупость. И, выступив, скажем, непримиримыми врагами экуменизма, тотчас начинают либо раздаривать ордена генералиссимусов духа особо отличившимся, по их мнению, единоверцам; либо вдруг затевают крестный забег вокруг цитадели борьбы за истину —

ими же самими отстроеного монастыря, возведенного на крови святых царственных мучеников...

Вы спросите: почему они это делают? Кто их толкает в шею? Да вот те, надо думать, духи лесчи, которые надоумили побежденного «врожденным неисцелимым любопытством» Н. А. Мотовилова слегка переиначить пророчества святого Серафима (Саровского), их и подталкивают. А иначе придется признать, что все они сребролюбцы на содержании у властителей денежного мешка и для того только и выступают поборниками православного монархического возрождения в России, чтобы это движение своим присутствием опорочить и уничтожить.

Есть, наверное, и такие. Но основная-то масса сегодняшних православных, поборников монархизма, всё-таки люди искренние. И если они не видят большой беды в том, что мы станем к концу времен великим антихристианским народом Гога и Магога, то это говорит лишь о нашей общей вопиющей духовной необразованности.

И тут я перехожу к главному нерву своей статьи: к вопросу о безоглядном доверии ныне живущего человека ко всему «духовному» без разбору, в частности — к знамениям и к пророчествам. Все мы, надеюсь, помним, как Христос в ответ на желание некоторых книжников и фарисеев увидеть от Него знамение с горькой досадою заявил: «Род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы-пророка» (Мф. 12; 39). Больше того, «святые говорят, — пишет современный старец схиархимандрит Илий (Ноздрин), — в последние времена люди будут спасаться только скорбями и болезнями. Почему так? Оттого, что добродетель умалится в людях и вместо любви будут господствовать страсти, в первую очередь гордость. И кого захочет помиловать Господь, тот будет

бедствовать, чтобы он смирился. А где смирение, хотя бы невольное, там и спасение».

Все времена после Иисуса Христа — последние. И наше с вами — тоже. С этим не спорит ни один православно настроенный монархист. Но почему-то, когда дело доходит до знамений и пророчеств, трезвомыслие тотчас же оставляет нас и мы готовы безоглядно верить всему, что бы к нам ни пришло из мира духовного. Так, скажем, согласно Интернет-википедии: «по откровению, полученному после явления преп. Серафима Саровского в 1991 году р. Б. Валентине, ныне матушке, русского православного царя необходимо вымалывать у Владычицы Ченстоховской, дни празднования которой приходятся на 19 марта и 9 сентября». «В августе 2004 года игумену Серафиму из Свято-Введенского монастыря Курганской епархии в сонном видении явилась Владычица Ченстоховская в шлеме и кольчуге, повелела написать Ее икону и распространить. Называется икона «Взбранной воеводе победительная» (более позднее название «Русская непобедимая победа»), а надпись гласит: «Стой за Христа до мученического креста». И вот на основании этих явлений из иного мира тогда ещё даже не монахине, матушке Валентине да сонного видения игумену Серафиму из Свято-Введенского монастыря Курганской епархии мы делаем абсолютно безоговорочный вывод: «Русская победа» неотвратима, и мы, согласно пророчеству св. Серафима (Саровского) в вольном пересказе его служки, Н. А. Мотовилова, всенепременно явимся на Армагеддон непобедимым всеславянским войском библейского народа Гога и Магога. А о том, чем для нас эта «непобедимая победа» закончится, мы даже и не задумываемся. Было видение, был вещий сон, подтверждающий и дополняющий пересказ одержимого Аввадоном «Серафимова служки» слова святого угодника Божьего в его, служки, интерпретации, мы и рады. Главное — духовный

вектор «Победы» выстроился: остается только внутренне ободриться, всем сердцем своим и разумом прилепиться к всеобщему, православно-монархическому мейнстриму и вместе со всем славянским миром выстроить свою жизнь по этой нехитрой вере.

А ведь в конце пророчества, как мы помним, звучит следующее: **«И сниде огонь от Бога с небесе, и пояде я»** (Откр. 20:9¹). То есть непобедимого Гога с Магогой уничтожит Сам Господь.

В таких же точно чертах изображал поражение свирепых полчищ Гога с Магогой и св. пророк Иезекииль: **«И будет в тот день, когда Гог придёт на землю Израилеву, говорит Господь Бог, гнев Мой восплает в ярости Моей. И в ревности Моей, в огне негодования Моего Я сказал: истинно в тот день произойдёт великое потрясение на земле Израилевой. И вострепешут от лица Моего рыбы морские, и птицы небесные, и звери полевые, и все пресмыкающиеся, ползающие по земле, и все люди, которые на лице земли, и обрушатся горы, и упадут утёсы, и все стены падут на землю. И по всем горам Моим призову меч против него, говорит Господь Бог; меч каждого человека будет против брата его. И буду судиться с ним моровою язвою и кровопролитием, и пролью на него, и на полки его, и на многие народы, которые с ним, всепотопляющий дождь и каменный град, огонь и серу; и покажу Моё величие и святость Мою, и явлю Себя перед глазами многих народов, и узнают, что Я — Господь (Иез. 38:18—23²). Ты же, сын человеческий, изреки пророчество на Гога и скажи: так говорит Господь Бог: вот Я на тебя, Гог, князь Роша, Мешеха и Фувала! И поверну тебя, и поведу тебя, и выведу тебя от краев севера,**

¹ <https://azbyka.ru/biblia/?Apok.20:9>

² <https://azbyka.ru/biblia/?Ezek.38:18-22>

и приведу тебя на горы Израилевы. И выбью лук твой из левой руки твоей, и выброшу стрелы твои из правой руки твоей. Падешь ты на горах Израилевых, ты и все полки твои, и народы, которые с тобою; отдам тебя на съедение всякого рода хищным птицам и зверям полевым. На открытом поле падешь; ибо Я сказал это, говорит Господь Бог. И пошлю огонь на землю Магог и на жителей островов, живущих беспечно, и узнают, что я Господь» (Иез. 39:1—6¹). Вот оно, нелицеприятное для нас изображение гнева Божия, который прольется на врагов Божиих в день «непобедимой победы» нашей. То есть мы, возмечтавшие о себе, что мы русские — единственные хранители православной веры на земле, придём на Армагеддон освобождать от жидовского ига всё человечество. Тогда как евреи, к тому времени разобравшись, что их долгожданный Мессия — антихрист, покаются перед Богом. И Он их от нас спасет. А нас со всеми нашими «непобедимыми победами» испепелит огнем и серой.

«Да как же так может быть? — вскрикнет в недоумении иной православно-монархический ортодокс. — Мы столько страдали, бедствовали, претерпевая от этих жидов поганых, а в результате что: мы же и виноваты?»

Именно так, дорогой, вдумчивый читатель. Возмечтав о себе, что мы последние защитники православия на земле, и позабыв о главном, «о суде, о любви и милости», мы вполне можем выродиться в бездушное собрание псевдоправедников, которым одна дорога, в ад.

А как же знамения и пророчества, которым мы так истово и бездумно доверяем?

Ну, если Вам мало истории отца нашего Исаакия, затворника киево-печерского, перескажу, пожалуй,

¹ <https://azbyka.ru/biblia/?Ezek.39:1-6>

несколько слов из жития преподобного отца нашего Никиты — затворника того же монастыря. «Во дни игумена преп. Никона жил в св. Печерском монастыре брат его именем Никита. Он начал молить игумена, чтобы тот благословил ему подвизаться наедине, в затворе. Игумен препятствовал ему, говоря: «Чадю! Не полезно тебе, будучи юным, сидеть праздно. Лучше пребывать тебе с братиею, работая вместе, и ты не лишишься награды своей. Сам ты видел брата нашего Исаакия-пещерника, как он был прельщен в затворе бесами; и только благодать Божья да молитвы ради преподобных отцов наших Антония и Феодосия спасли его». Никита же отвечал: «Никогда, отче, я не буду прельщен таковою вещью; я желаю стать крепко против козней бесовских и буду молить человеколюбца Бога моего, чтобы Он подал мне дар чудотворения. Как Исаакию-затворнику, который и донныне творит много чудес». Игумен снова сказал ему: «Желание твоё выше сил; блюди, чадю, чтобы не пасть тебе прежде вознесения. Я велю тебе служить братии, и за послушание ты будешь увенчан от Бога». Никита же вовсе не хотел внимать словам игумена, так как не мог преодолеть сильного рвения своего к затворнической жизни, и поэтому, чего захотел, то и сделал. И он, затворившись, заградил дверь крепко и, не выходя, пребывал один в молитве. Прошло немного дней, как инок не избег сетей диавольских. Во время пения своего он слышал некий глас, как будто бы кто-то вместе с ним молился. Никита обонял при этом и благоухание неизреченное. Прельстившись этим, он говорил себе: «Если бы со мною был не ангел, он не молился бы со мною и благоухание это не могло быть иным, как благоуханием Духа Святаго». Помыслив так, он снова начал прилежно молиться, говоря: «Господи! Явися мне Сам, да разумно вижу Тя». Тогда был глас к нему: «Не явлюся тебе, так как ты юн, да не вознесся,

ниспадеши». Затворник же со слезами сказал: «Никак, Господи, не прельщуся, ибо игумен научил меня не внимать прелести бесовской; всё же повеленное Тобою исполню». Тогда душегубительный змий, возблагодарив над угодником Божиим, сказал: «Невозможно человеку, во плоти находящемуся, видеть меня; но вот посылаю ангела моего, да пребудет он с тобою, ты же исполний волю его...» И тотчас предстал перед ним бес во образе ангела. Никита же, падши, поклонился ему, как ангелу. Тогда сказал ему бес: «Отсель ты уже не молись, но читай книги, и будешь беседующим с Богом, и подашь полезное слово приходящим к тебе. Я же всегда буду молить Творца о твоём спасении». Затворник, поверив сказанному и прельстившись ещё более, перестал молиться, но прилежнее начал читать книги. Видя при этом беса, непрестанно молившегося о нём, Никита радовался, думая, что сам ангел творит за него молитву. Также с приходящими к нему много беседовал от Писания о пользе для души, начал пророчествовать и великая слава распространилась о нём; все дивились исполнению его пророческих словес.

Однажды послал он к князю Изяславу, говоря: «Сегодня убит князь Глеб Святославич в Заволчье; пошли скорее сына своего Святополка на престол в Новгород». Так действительно и случилось, ибо через несколько дней пришла весть об убийстве князя Глеба. С этого времени Никита прославился как предсказатель, и его слушались князья и бояре. Он особенно хорошо знал книги Священного Писания Ветхаго Завета; но книги Евангельские и Апостольские Писания не хотел читать и даже слышать о них не хотел, так что поэтому только скоро все и узнали, что он прельщен бесом. Наконец, будучи не в состоянии более терпеть это обольщение Никиты диаволом, пришли к Никите преподобные отцы: Никон, игумен, Иоанн, впоследствии тоже игумен, Пимен, пост-

ник, Исаяя, епископ Ростовский, Исаакий, затворник печерский, Агапит, врач, Григорий, чудотворец, Николай, епископ Тмутараканский, и другие преподобные отцы и, совершив многие молитвы о Никите, изгнали из него беса. После этого они спросили Никиту: знает ли он что-либо из книг Ветхого Завета? Никита каялся, что он никогда не читал их и даже оказался забывшим грамоту, так что отцы снова научили его чтению и письму. Тогда, придя в себя, Никита исповедал свой грех и, долго плакав о нём, предался великому воздержанию и послушанию, так что потом всех превзошел добродетелями. Человеколюбивый Господь, видя столь великие подвиги блаженного, а также и прежние его добродетели, принял его истинное покаяние. И как Петру, трижды отречьшемуся, Христос сказал после его покаяния: «Паси овцы Моя». Так явил Свою милость Господь и покаявшемуся искренно Никите, ибо потом возвел его в епископа Новгородского и, прославив его добродетельную жизнь, дал ему дар чудотворений»¹.

Теперь сравните себя, бывших комсомольцев-ленинцев, с затворником Никитой, и подумайте, за какие такие духовные добродетели Господь буквально осыпал нас знамениями и пророчествами? Мироточат иконы, обновляются храмы, благоухают бюсты, даже на Лубянке, и сотням, если не тысячам, благочестивых детей и жен снятся пророческие сны, а на яви являются умершие святые. Не так давно в Питере на Никольском кладбище Александро-Невской лавры произошло очередное явление святого праведного Иоанна Кронштадтского смотрителю кладбища Клауду Роммелю. И что вы думаете, как отнесся к этому чуду сам смотритель: он почувство-

¹ Киево-Печерский патерик. — Киев: «Лыбидь», 1991. — С. 94—95.

вал себя недостойным подобного видения? В страхе Божьем перекрестился? С недоверием к явлениям из иного мира перекрестил видение? Ничего похожего. С энтузиазмом неопита он вынул из кармана курточки свой сотовый телефон и попытался сфоткать духовное видение. Ну а не менее просветленный, чем Клауд Роммель, монархически настроенный журналист, тотчас же объяснил зачем, к кому и почему явился так ни слова и не произнесший св. Иоанн Кронштадтский. Оказывается, только в силу того, что духовное явление произошло в день памяти Иллариона Грузина, из тысяч его покаянных мыслей монархически настроенный журналист выбрал одну, подтверждающую правоту своего личного виденья сегодняшней ситуации в России: *«Кто, братия, может представить православного христианина, не молящегося за Царя нашего, который есть только один, но не многие? И кто не обязан Его любить? Не есть ли [Царь] единственная похвала христиан и слава Христа? Потому что только Он по образу Христа — помазанника по естеству подобен Ему и достоин называться Царем и помазанником Божиим, потому что Он имеет в Себе [от зачатия] помазующего Отца, помазанного Сына и Имже помазася Духа Святаго. Прочие цари народов, если и не редки, и воображают о себе нечто великое, но ни один из них не Царь в действительности, только украшаются и тщеславятся высоким именем, но не благоволят и не почивают на них Бог. Царствуют же только частью, по снисхождению Божию. Поэтому, кто не любит своего богопоставленного Царя [и даже за Него не молится], тот недостойн именоваться христианином. И сие подлинно так»*. 1863 год, святая гора Афон.

При этом монархически настроенный журналист, естественно, не утерпел, чтобы в очередной раз не лягнуть ненавистное ему в принципе священноначалие РПЦ МП: **«КОГДА „СВЯЩЕННОНАЧАЛИЕ“ — НЫНЕШНИЕ ЭКУМЕНИСТЫ ИССЛЕДОВАЛИ, ЧТО**

ЭТО ЯВЛЕНИЕ БЫЛО ИСТИННЫМ, ОНИ ПОСТАРАЛИСЬ УБРАТЬ ВИДЕО ЮТЮБА, ОНИ ПОПЫТАЛИСЬ И ПЫТАЮТСЯ СКРЫТЬ БОЖЕСТВЕННУЮ ИСТИНУ — ЭТО БОЖЕСТВЕННОЕ ОТКРОВЕНИЕ, ЭТО ПОСЛАНИЕ О СПАСЕНИИ РОССИИ!!!»¹

Так а в чем же, собственно, заключается это самое послание о «Спасении России»? По просвещенному мнению всё того же журналиста, на фотографии, найденной зрителем кладбища на месте явления св. Иоанна Кронштадтского, были записаны, оказывается, имена тех двенадцати персон, от которых зависит сегодняшнее спасение России. И не важно, что среди проявившихся, а потом исчезнувших вместе с фото указаны и уже прославленные Церковью святые: тот же Иоанн Кронштадтский, например. Важно совсем иное: список этот, так думает журналист, спущен нам Богом свыше, поэтому РПЦ МП, если он желает спасения нашей Родине, просто обязан этих лиц немедленно канонизировать.

Не знаю, как у Вас, дорогой вдумчивый читатель, но у меня складывается такое впечатление, что мы из эпохи «победившего атеизма» плавно перекачевываем в эон прямого бесоводительства. Теперь нам можно через сон или через видение любой дьявольский соблазн подсунуть, и мы в своем общем нетрезвомыслии его тотчас же примем на вооружение! А всякого трезвомыслящего человека растерзаем как отступника и невера. И история с явлением Иоанна Кронштадтского на петербургском кладбище — ярчайший тому пример.

Так в числе прочих в «сакральном списке», отпечатавшемся в сознании кладбищенского сторожа с весьма

¹ <https://likorg.ru/post/duhovnyy-smysl-yavleniya-sv-prav-ioanna-kronshtadtskogo-2021>.

характерным православным именем Клауд Роммель, указан и «Серафимов служка», Н. А. Мотовилов. В уже упоминавшейся мной «докладной записке...» Мотовилов вот как сам себя аттестует: «Увидел я святителя Митрофана. «Как ты чуден для меня, — сказал он мне, — сам все можешь сотворить так же, как и я, и знаешь, что и тебя также бы послушал скоро Бог и мгновенно бы изгнал беса, если бы по смирению твоему не отклонял ты от себя дела сего, а все-таки думаешь, отчего я не изгоняю беса?..»

«Знаю, — отвечал я, — потому что и батюшка отец Серафим мне тоже говорил, что если бы я пошел в монахи, то сделали бы меня архиереем, и я бы был **более святителя Василия Великого**, и я дерзнул сказать ему, что об этом ангелы возвещают людям, а не люди, забывшись, что я говорю с великим угодником Божиим и в точности по слову евангельскому не ведый, что говорю, а батюшка отец Серафим встал и выпрямился молодцом, в каком положении я его никогда не видывал, и сказал: „А тебе Серафим, а не ангел говорит, а знай, что **насколько Серафим более ангела**, настолько слава моя более возвещения ангельского. Так это истинно“. Но потом небесною радостью засияло лицо его, и он сказал: „Ну что же делать, батюшко ваше Боголюбие, иные люди рождаются для девственной жизни, а другие для чадородия, так то и до вас относится“».

«Как же, — спросил высокопреосвященный, — Вы и жениться хотите, и между девушек с утра до вечера живете по монастырям». Я отвечал: «Ведь Вам Сама Царица Небесная сказала, что я служу Ей, как и Вы изволите служить, так Она Сама же изволит знать, как я живу там, и лучше Вам разъяснит, Ее слову Вы лучше поверите». И он опять спросил: «Отчего же и после этого нейдете в монахи, славный митрополит будете». И я отвечал: «Знаю и это, но пред Богом скажу, что уже и Синод тогда не устоит, ибо я не только действительно тогда стал бы

просить Его Императорское Величество, чтобы в России было, как и в старину, патриаршество, да патриархом первым чтоб меня же и поставили. Да что пользы было бы из этого — перед людьми **я был бы действительно Святейшим** (выделено И. И. Ж.) ...«»¹

Не правда ли, совершенно непостижимыми скромностью и смирением отличался этот удивительный человек? В русской литературе, пожалуй, только один Хлестаков позволял себе подобные смиренные высказывания о своей персоне: «Один раз я даже управлял департаментом. И странно: директор уехал, куда уехал — неизвестно. Ну, натурально, пошли толки: как, что, кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало, — нет, мудрено. Кажется, и легко на вид, а рассмотришь — просто черт возьми! После видят, нечего делать, — ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров!»²

Действительно, именно подобного «юродивого», так называют «Серафимова служку» иные из его истовых почитателей, без всяких перепроверок стоит срочно канонизировать! Чуть большая степень трезвомыслия неизбежно заставит нас усомниться в святости этого персонажа. А значит, мы никогда потом и не выйдем

¹ «Никогда не соединяет прелесть рассеченного грехом человека, не останавливает движения крови, не наставляет подвижника на покаяние, не умаляет его перед ним самим; напротив того, возбуждает в нём мечтательность, приводит в движение кровь, приносит ему какое-то безвкусное ядовитое наслаждение, тонко льстит ему, внушает самомнение, устанавливает в душе идол — я». (Умное делание. Сборник поучений Святых Отцов и опытных деятелей. — Изд. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1992. — С. 124.)

² Пьеса Гоголя Н. В. «Ревизор», действ. 3, явл. 6.

на Армагеддон непобедимыми полчищами Гоги и Магоги. И наша «Русская победа» окажется под большим вопросом.

В начале русской истории иные из киево-печерских святых, прельстившись видениями из иного мира, едва не заплатились за недостаточное трезвомыслие спасением собственных душ. Благо рядом всегда находились более духовно осмотрительные братья, которые смогли отмолить прелестников и вернуть их на узкий тернистый путь, ведущий в жизнь вечную. Но чем, какими «великими событиями», может закончиться сегодняшняя история нашей родины, если наше священноначалие, пойдя на сговор с криптокатоликами, в конце концов, и действительно развенчает себя как Церковь; а на её место придут искренне желающие добра, но совершенно не разбирающиеся в духовных законах жизни монархически настроенные журналисты? Есть очень большая опасность в том, на Армагеддон мы всё-таки выйдем полчищами прельщенных псевдоправедников, с огромным энтузиазмом нацеленные на борьбу с «детьми сатаны». Только вот незадача, согласно пророчеству ап. Павла, к тому времени основная масса еврейства разберется, что она ошиблась, не приняв в своё время Христа, а возложив все свои упования на Его противника антихриста. И тогда на защиту горстки искренне раскаявшегося в своем богоотступничестве еврейства поднимется Сам Господь. И случится непоправимое: народ, всю жизнь считавший себя Третьим и последним Римом, народ, устами своих пиитов сам себя возвеличивший до народа-богоносца, падет на горах Израилевых. Господь отдаст его на съедение всякого рода хищным птицам и зверям полевым. И «пошлет огонь на землю Магог и на жителей островов, живущих беспечно», а небольшая горстка народа действительно избранного, но до поры до времени за-

гоняющего остаток других народов к Христу Спасителю, спасется для жизни вечной.

Заключение

Перед лицом этой сверхопасности стоит, наверное, вспомнить слова св. Серафима (Саровского) о цели христианской жизни и всем сердцем своим и разумом устремиться к стяжанию «духа Божьего». На что, согласно учению святых отцов, нам потребуется целожизненное усилие. «Трудись, напрягайся, ищи — и обрящешь; толцы — и отверзется тебе. Не ослабевай и не отчаивайся. Но при всём том и помни, что труды сии составляют только опыты усилий с нашей стороны к привлечению благодати, а не само дело, которого ещё мы ищем. Недостаёт главного — благодатного возбуждения...» «Когда придёт сия возбуждающая благодать, которая зависит **всецело от Бога**, а не от наших жалких усилий, только тогда начнется настоящее внутри дело перемены жизни и нрава. Если же ты ощутил, что соединился ум твой с душой и телом, что ты уже не рассечен грехом на части, но составляешь нечто единое и целое, что святой мир Христов возвеял в тебе, то храни со всевозможным тщанием дар Божий. Да будет главным твоим делом молитва и чтение святых книг; прочим делам давай второстепенное значение, а к делам земным будь хладен, если можно, чужд их. Священный мир, как веяние Святаго Духа, тонок, немедленно отступает от души, ведущей себя неосторожно в присутствии его, нарушающей благоговение, нарушающей верность послаблением греху, позволяющей себе нерадение. Вместе с миром Христовым отступает от недостойной души благодатная молитва и вторгаются в душу, как гладные звери, стра-

сти, начинают терзать самопредавшуюся жертву, предоставленную самой себе отступившим от неё Богом. Если ты пресытишься, в особенности упьешься, святой мир перестанет в тебе действовать. Если разгневаешься, надолго прекратится его действие. Если позволишь себе дерзость, он перестанет действовать. Если возлюбишь что земное, заразишься пристрастием к вещи, к какому-либо рукоделию или особенным расположением к человеку, святой мир непременно отступит от тебя. Если попустишь себе услаждение блудными помыслами, он надолго, весьма надолго, оставит тебя как нетерпящий никакого зловония греховного, в особенности блудного и тщеславного. Поищешь его и не обрящешь. Восплачь о потере его; но он не обратит никакого внимания на плач твой, чтобы ты научился давать дару Божию должную цену и хранить его с подобающими тщательностью и благоговением.

Возненавидь всё, влекущее тебя долу, в развлечение, в грех. Распнись на кресте заповедей евангельских; непрестанно содержи себя пригвожденным к нему. Мужественно и бодренно отвергай все греховные помыслы и пожелания; отсекай попечения земные; заботься об оживлении в себе Евангелия ревностным исполнением всех его заповедей. Во время молитвы снова распинайся, распинайся на кресте молитвы»¹. «Весь вдайся в зрение греха твоего, в плач о нём! Тогда, в своё время, узришь воссоздание твоё (имеется в виду преодоление первородного греха — ещё до рождения бытийствующего в нас разлада ума и сердца. — И. И. Ж.) непостижимым, тем более необъяснимым действием Святаго Духа»².

¹ Умное делание. О молитве Иисусовой. Сборник поучений Святых Отцов и опытных её делателей. — Изд. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1992. — С. 118—120.

Только так, восходя за Христом на свою личную Голгофу, человек может вырваться из всюду расставленных на него сетей и ловушек дьявола. И обрести затем чаемое единство ума и сердца. В этом, и только в этом, сораспятии со Христом заключается единственная возможная для человека победа над грехом. Все же прочие упования на последнего русского самодержца, надежды на русский дух, на некую якобы только нам, русским, дарованную от Бога природную доброту, непримиримость, свободолюбие — всё это миражи и ловко расставленные для нас ловушки миродержителей тьмы века сего. Посему, чем раньше мы прекратим рассуждать о конечной победе русского мира над антихристом, чем упорней устремится каждый из нас, русских, к своему личностному кресту, тем, возможно, на какое-то время мы и впрямь оттянем конечную победу тьмы века сего над заблудившимся человечеством. Продолжая же верить в псевдопророчества якобы от св. Серафима (Саровского), захлёбываясь мечтаниями о Босфоре и Дарданеллах, о великом грядущем русско-славянском царстве Гога и Магога, мы только приближаем миг, когда наши прельщенные прапращуры придут на Армагеддон и погибнут от духа уст Божиих, как это и предсказал некогда пророк Божий Иезекииль.

Впрочем, судьбы Божии непреложны. И изменить мы их, к сожалению, не можем. Но вот предупредить чающих спасения во Христе — наша с вами святая обязанность. И пусть не весь русский народ, а только его остаток, гонимый в монархически-православном царстве грозного царя Гога в окружении всеславянских орд псевдоправедников Магога, вместе с остатком других народов придет под конец истории к Христу. Мы целуем их крест-

² Там же, с. 122.

ный путь и заранее поздравляем с грядущей Русской победой.

Москва, 2019—2021 гг.

Список использованной литературы:

1. Киево-Печерский патерик, или Сказания о житии и подвигах святых угодников КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ. — Киев: «Лыбидь», 1991.
2. *Иванов П.* Тайна святых. Введение в Апокалипсис. — Москва: «Паломник», 1993.
3. Старцы оптинские о смирении. Сост. Г. С. Фёдорова. — Москва, 2016.
4. *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. — СПб., 1891.
5. *Новосад Н.*, прот. Православие в Западной Руси в XVI — XVII вв. перед лицом униатства. — Доклад на 2-й Международной церковно-научной конференции в Москве, 11—19 мая 1987 г.
6. *Карташев А. В.* Смысл старообрядчества. — Церковь, 1992.
7. *Аксаков И. С.* Полн. собр. соч. Т. IV: Об официальной церкви. — М., 1890.
8. Православное обозрение. Октябрь, 1887 г.
9. «*Пушкинская речь*» Ф. М. Достоевского, произнесена 8 (20) июня 1880 года на заседании Общества любителей российской словесности и опубликована 1 августа в «Дневнике писателя».
10. *Священник Георгий Селин.* Загадка 2027 года. — М.: Академика, 2016.
11. Душеполезные поучения преподобного Макария Оптинского. — Издание Введенской Оптиной Пустыни. 1997.
12. *Острецов В.* Массонство, культура и русская история. М.: изд. общ. ООО «Штрихтон», 1998.
13. *Игнатий (Брянчанинов) свт.* Полное собрание творений. — М.: Паломник, 2002 г.
14. *Есенин С.* Поэма «Инония», 1918 г.

15. *Блок А.* Крушение гуманизма. — Статья впервые опубликована: «Знамя», 1921 г.
16. *Кутузов Б.* Метастазы никоновской реформы. — М., 2016.
17. *Кутузов Б.* Ошибка русского царя: византийский соблазн. — Москва: «Алгоритм», 2008.
18. *Кутузов Б.* Церковная реформа XVII века, её истинные причины и цели. — Ржев: «Парадигма», 2018.
19. *Игнатий Брянчанинов.* Собрание сочинений в 7 томах. — Краматорск, 2009 г.
20. Дело III (жандармского) Отделения Императорской канцелярии, письма Н. А. Мотовилова к двум Государям Императорам — Николаю I и Александру II.
21. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ, бывшей публичной имени М. Е. Салтыкова-Щедрина), фонд Санкт-Петербургской духовной академии (СПбДА), 2003 г., докладная записка Н. А. Мотовилова.
22. *Романова В.* Православие и религиозная катастрофа Запада. Владивосток: «Берег Рус», 2018.
23. *Петанов Макарий, иеродиакон.* Правда о Фатиме. Православная церковь о католическом «чуде». // <https://knigogid.ru/books./276730-pravda-o-fatime-pravoslavnaya-cerkov-o-katolicheskom-chude\toread>.
24. *Николаев Н. К.* Экспансия Рима в Россию. — М.: без изд-ва.
25. *Леонтьев К.* «Над могилой Пазухина».
26. Пьеса *Гоголя Н. В.* «Ревизор».
27. Умное делание. О молитве Иисусовой. — Издание Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1992.

Оглавление

Вместо предисловия	3
Глава №1 Киевская Русь. Юность русской земли ...	4
Глава №2 Взросление в бурях и нестроениях	17
Глава №3 «Византийская прелесть»	33
Глава №4 Русская классическая художественная литература	40
Глава №5 «Серафимов служка» — Н. А. Мотовилов	53
Глава №6 Пророчества о России	66
Глава №7 «Русская победа»	72
Глава №8 Старческая деменция или издержки роста?	80
Заключение	96
Список использованной литературы:	100

Иван Жук

Русская победа

Дизайнер обложки Константин Тыртов

Книга Ивана Жука «Русская победа» принадлежит к жанру русской философско-исторической эссеистики и продолжает традицию, установившуюся у нас со времен «Философских писем» П. Я. Чаадаева и «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя. Пытаясь взглянуть на историю нашей родины с точки зрения православия, анализируя пророчества о России, автор делится своими тревожными размышлениями по поводу возможного русского будущего. Книга предназначена для самой широкого круга читателей.